

БАХРОМ ФИРУЗ

**ДОРОГА В
ТУМАНЕ**

ПОВЕСТЬ

Перевод Н. Берковой

Дорога в тумане

В доме муравья и роса — потоп.

Таджикская пословица

ГЛАВА ПЕРВАЯ

И в этот раз они собрались в дорогу задолго до рассвета, но пока прощались и усаживались в машину, небо засеребрилось и стало светло.

Тяжело нагруженная легковая машина тронулась и быстро набрала скорость. Азизе все ещё виделись заплаканные глаза матери, тревожный взгляд отца, слышались родительские напутствия, наказания и добрые пожелания сестёр, братьев, тёток. С угрюмым лицом, погруженная в свои мысли, Азиза молчала. Настроение матери передалось детям. Они присмирели, затихли. Даврон тоже был подавлен. Его всегда раздражали торжественные проводы многочисленных родственников. Для плохого настроения была ещё одна причина, Старики просили отложить отъезд на два дня, но он заупрямился и настоял на своём. Почему он не внял их просьбам? Даврон и сам бы не мог объяснить. А теперь вот казнил себя за это. «Почему они так просили отложить отъезд? Зачем?! Из-за предрассудков? Может, знают секрет какой? Они не отправляются в путь, если нет благоприятного расположения звёзд...»

На дороге появились первые машины, город медленно просыпался. Торопились молочницы с тяжёлыми бидонами парного молока. С тележкой, прикрытой чистой скатертью, спешил в чайхану лепёшечник; пар от горячих лепёшек так и туманился над скатертью,— и аромат свежевыпеченных лепёшек проникал даже в машину. Даврону вдруг вспомнились голодные послевоенные годы. В доме не

пекли лепёшек, и танур* во дворе облупился. То ли в сорок седьмом, то ли в сорок восьмом матери привезли красную глину. Она обмазала танур и ей удалось испечь в нем лепёшки. Получив из материнских рук свою кулчу**, Даврон некоторое время вдыхал ее запах: жалко было съесть сразу, кто знает, когда ещё будут печь... Ведь семья зачастую перебивалась травой.

Не успел Даврон выехать из города, как Азиза, случайно задев ногой сумку, разбила термос с кофе. Даврон остановил машину на обочине, молча выкинул термос в урну, вернулся, положил голову на руль и задумался.

— Подумаешь, десятку потеряли! Стоит ли расстраиваться?! — насмешливо проговорила Азиза.

Даврон не был суеверным, но предчувствия его нередко сбывались. Вот и сейчас на него навалилось знакомое смутное ожидание беды. Что делать? Вернуться? Но ведь и там может случиться несчастье. От судьбы не убежишь. Хорошо бы угадать, что грозит. Ведь есть же люди с обострённой интуицией. Порой ненароком брошенное кем-то слово тоже сбывается... Недаром же старики учат: всегда желай другим только добра...

Машина миновала загородные сады, и впереди показались голые, красноватые холмы Рухака. У подножия холмов дорога разделилась: одна побежала к холмам, другая—по берегу реки. Даврон свернул на нижнюю. Дорога узкой серебристой лентой извивалась по пригоркам и камышовым зарослям Сырдарьи.

Шелест камышей вернул Даврона в прошлое. Здесь, на этом месте, стоя по пояс в воде, он косил тогда камыши. Никогда не забыть ему свой первый день работы, когда,

---

* Танур — печь для выпекания лепёшек.

** Кулча — маленькая лепёшка.

дрожа от страха, от шагнул в чёрную жижу прибрежной трясины. Совсем рядом бурлила Сырдарья... Теперь река совсем другая: каскад плотин умирил её буйный нрав. Как выручал камыш людей в те годы! И Даврон косил его не только для себя, но соседям и даже заработал немного денег. Однажды он сильно порезал ногу. Брызнула кровь, и вода мгновенно стало алой. Даврон нашёл дождевого червя, растёр его камнем и положил на рану. Шрам так и остался на всю жизнь. Подумать только, к врачу ведь тогда не ходили, и знать не знали, что такое столбняк, ни с кем ничего не случилось...

Часто он ездил по этой дороге, и ни разу не задумывался о расстоянии. Что это? Равнодушие? Инертность? Нет, просто забывал взглянуть на спидометр, только и всего. Предстояло одолеть ещё два перевала, чуть выше облаков, по причудливому, точь-в-точь пружина, серпантину — спуски, подъёмы, повороты! Здесь идет открытая игра со смертью. Легче проехать семьсот километров ровного пути. Интересно, люди иногда боятся доверить свою жизнь опытному хирургу, а полагаются на какие-то четыре гайки. Но ведь если вдруг в горах откажет руль или соединительный шланг тормозной системы — практически спастись невозможно. Вот так... Надо быть осторожным — почти целый день придётся сидеть за рулём, спать захочется, теперь и кофе нет. Конечно, куда спокойнее на самолёте, но своя машина тоже нужна: дальние прогулки, поездки с детьми в селение к родителям... А вот и Дехмой — «Винное село». Да, все, что народ сам назвал — прочно, на века. Рассказывают, что до революции здесь поселился один русский — не то фабрикант, не то торговец — построил винный завод. Странно, почему именно здесь? Правда, винограда тут много. Хотя в восточной поэзии вино и виночерпии воспеваются тысячи лет, раньше не злоупотребляли этим

зельем... Это теперь молодёжь пристрастилась к спиртному и губит не только своё здоровье, но и здоровье своих потомков. Даврон где-то читал, что однажды в Швейцарии провели перепись населения, при которой выяснилось, что большинство дефективных детей родились через восемь-девять месяцев после масленицы. Когда он рассказал об этом своим товарищам, они лишь посмеивались: «Вот мы пьём — и немало, но, слава аллаху, все наши дети, а их у нас по девять и по десять, нормальные, умные и здоровые». Они уверены, что с их детьми все в порядке. Но это не так. Ведь алкоголь убивает в человеке всё: талант, ум, способности, чувство собственного достоинства, приближает старость. Мозг молодого пьяницы и старика схожи, да и поседение тоже: те и другие многословны, беспамятливы, при разговоре беспорядочно жестикулируют. Не напрасно алкоголь считается одним из главных врагов человечества, такая же зараза, как холера и чума...

Размышления Даврона прервали голоса дочерей — пятилетней Мехри и семилетней Махруй. Девочки ссорились.

— Испанд, узнай, что они там не поделили,— сказал он сыну.

Прильнув к стеклу машины, мальчик разглядывал окрестности. В последние дни каникул он скучал по школе, с нетерпением ждал первого сентября, встречу с друзьями...

Азиза не вмешивалась в ссору девочек. Она не хотела, чтобы дети увидели ее заплаканные глаза, и сидела, отвернувшись от них. Мимо проносились хлопковые поля Гулакандоза, они напоминали Азизе годы учёбы в школе и институте, и она тяжело вздохнула. «Вот магазин, куда мы ходили за покупками, хотя ничего не могли купить, кроме пряников. Правда, однажды я купила здесь белые туфли,— вспоминала Азиза.— Чуть дальше — почта. Оттуда я часто

звонила домой. Какое счастливое было время, а мы этого не понимали, не терпелось стать взрослыми. Думали, что все лучшее впереди... Где вы теперь, девочки, мои милые подружки? Как сложилась ваша жизнь? Наверняка не так, как у меня. Ведь одна я уехала из своего родного города... Родные места! Ничто не заменит вас. Каждый приезд сюда — для меня праздник, сердце переполняется радостью, от счастья я не хожу, а словно летаю.

Я спросила маму, отчего это? Она объяснила: «Здесь ты родилась, здесь впервые увидела свет, здесь обрезали твою пуповину, здесь сделала первые шаги, здесь прошло твоё детство и юность, а это самая прекрасная пора...»

— Папочка, не поедем через горы, ладно? — дотронулась ручонкой до плеча отца маленькая Мехри. — Не надо ехать через горы, — умоляюще повторила она. — А, папочка?

Даврон на мгновение оторопел, но совладал с собой и нарочито весело сказал:

— Почему, доченька?.. Смотри, какие наши горы хорошие и красивые? Сколько цветов ты нарвала по дороге сюда! А помнишь, как вырыли пещеру в снегу и играли в ней? Многие ли видят снег летом? Разве только во сне. А целебные источники в горах! А? — Даврон успокаивал девочку, но самому было как-то не по себе.

— Нет, только не через горы, папочка! — со слезами настаивала Мехри. — Горы злые, не поедем туда!

— Не надо капризничать, как решили, так и поедем...

Даврона охватила тревога. Что с Мехри? Обычно у детей очень обострённая интуиция.

Машина бежала по яровым полям. По одну сторону дороги урожай ещё не убран, тяжёлые колосья пшеницы шелестели и сгибались от ветра. По другую — пшеница скошена, и солому ветром разметало по всему полю. Даврон

досадовал: зерно убрали, а солома осталась. А ведь мелко смолотая солома — хорошая добавка к корму.

Впереди на дороге стояла легковая машина. Водитель с ведром и шлангом в руках просил бензина. Даврон остановился, желая помочь ему.

— Вот спасибо, выручили, мулло-ака*... бензин кончился, и машина — ни с места.

Едва они снова тронулись в путь, Даврон спросил у сына:

— Что ты скажешь, Мулло-Испанд, — когда он заводил разговор о литературе, искусстве или науке, то шутливо называл сына «мулло»**, — этот человек сказал, что бензин кончился, и машина встала.

— Скажу, что без бензина машина не пойдёт, — осторожно сказал мальчик, чувствуя в словах отца какой-то подвох.

— Правильно, бензина нет, машина стоит. Но не это ее останавливает. Причина в другом. Машина остановилась из-за трения полуосей, трения шин об асфальт, ветра и других причин.

— Не было бы трения — и бензин не понадобился бы, — заметил Испанд.

— Не дай бог! — рассмеялся Даврон. Он осторожно обогнал идущий впереди «ЗИЛ» и пояснил: — Без трения тормозные колодки не сработают.

Они замолчали.

Ровная степь, золотистая и светлая, напоминала полную луну.

«На нашей планете пятнадцать миллиардов гектаров земли, — припоминал Даврон. — Из них около полутора миллиардов посевных. Эта земля должна нас кормить и

Мулло-ака* -- вежливое обращение к старшему.

Мулло** -- учёный, образованный человек

одевать. Пока ещё она с этим справляется. Отдать бы землю во всем мире тем, кто хочет работать — пахать и сеять, озеленять и благоустраивать... Все, кто трудится, были бы сыты и довольны, а бездельники и жулики призадумались бы и, может, взялись за ум».

Даврон стал представлять, как с помощью науки и техники могут измениться эти места лет через сто-двести.

— А если никто не дал бы ему бензина, что бы он сделал?— вдруг спросил Испанд.

— Слава богу, наши люди ещё до такого не дошли,— улыбнувшись, ответил Даврон.

— Ну, а все-таки. Если бы никто не дал или никого не было, что бы он делал? — настаивал мальчик.

— Честно, не знаю... — Даврон помолчал и только через минуту сказал: — Я бы сделал так: отвинтил нижний болт бензобака, слил во флягу два-три литра бензина, оставшиеся на дне, затем присоединил к ней трубку бензонасоса. Все это заняло бы у меня пятнадцать-двадцать минут. Бензина хватило бы километров на тридцать.

Испанд размышлял над «рацпредложением» отца. Затем начал прикидывать, с чем можно было бы смешать бензин, чтобы двигаться дальше.

На обочине толпились люди. Какой-то мужчина замахал руками. Даврон притормозил.

— Что случилось? — спросил недовольно.

— Ассалом*... Брат, не довезёте ли больного до Ура-Тюбе? Надо скорее... Сделаешь с утра доброе дело...

— Больной один? — прервал его Даврон.

— Нет, я с ним...

— Для двоих места маловато,— Даврон, как бы советуясь, взглянул на жену.

— Двое не поместятся! — недовольно отрезала Азиза

Ассалом* -- Здравствуйте.

— Достаточно того, что повезём больного.— Она посмотрела на сидящего на земле человека и спросила:— А чем он болен?

— Фаланга укусила... Он очень страдает.

— Садитесь! — перебил его Даврон и посмотрел на жену: — Пересядь назад и возьми девочек на колени.

Больной сел впереди, его спутник пристроился рядом с Испандом.

Машина тяжело тронулась с места и медленно набрала скорость.

— Десять машин проехало, и ни одна не остановилась — пожаловался спутник больного.— Позвонил в больницу, там говорят: «Пошлём «скорую», если бензин на обратную дорогу дадите, у вас с ним сложно». Как будто в совхозе из коров бензин доят, а не молоко. В больнице бензина для «скорой» нет! Да на себя его тратят. Что в селе, что в городе — одно и тоже....

— Больному как-то помогли? — снова перебил Даврон словоохотливого спутника.

— Он говорил, что спичкой прижёт.

— Если сразу — хорошо. От огня яд фаланги быстро разрушается. Ничего страшного, выздоровеет.

Укушенный, худощавый мужчина лет сорока, сидел, закрыв глаза и изредка постанывал.

Даврону вспомнилась больница, сослуживцы, больные, ожидающие его возвращения из отпуска. Предстояла сложная операция, которую из-за жары пришлось отложить до осени.

С первыми лучами солнца уже были в Ура-Тюбе. Двери магазинов и ларьков ещё были закрыты. Оставив пострадавшего в больнице, Даврон подъехал к бензоколонке, где за четыре рубля получил десять литров бензина. Потом остановились у базара.

— Я быстро... Что купить? — спросил он жену.

— Ничего не надо.

Даврон заколебался: особой необходимости в покупках не было, и в то же время он не мог проехать мимо базара провинциального городка. Так уж было у него заведено: куда бы ни приезжал, прежде всего спешил на базар, обходил его вдоль и поперёк, осматривая фруктовые и овощные ряды, лавочки аттары — где предприимчивые восточные торговцы продавали всякую всячину, в основном изделия народных мастеров—кузнецов, ювелиров, гончаров. Образ жизни людей каждого края, их духовный мир Даврон начинал изучать именно с базара. Поэтому и теперь он направился к рядам и долго там пропадавал. Наконец вернулся с двумя большими дынями под мышками. Азиза с укоризной посмотрела на него, мол, к чему ещё лишний груз, как будто в Душанбе нельзя купить дыни.

— По дороге съедим... Охладим и... По два рубля. На старые деньги они тоже стоили по два рубля. Одни и те же цены,— говорил Даврон, укладывая дыни в багажник.

Азиза едва заметно кивнула на легковую машину, стоящую неподалёку. Даврон сразу узнал автомобиль своего знакомого.

— Он нас не заметил, побежал на базар. А сынок его, нас видит, конечно, скажет отцу...

Они поспешили уехать.

Вскоре сады и виноградники Ура-Тюбе остались позади. Миновали они и Каттасайское водохранилище.

Даврон тщательно ухаживал за своей старой машиной, усердно изучал устройство приборов, агрегатов и систем, наблюдал, как работают мастера. Другой водитель ни за что не рискнул бы поехать на такой развалюхе через перевалы. Вдобавок ко всему, в радиаторе закипала вода. Даврон

применял все своё умение, сноровку и даже хитрость, чтобы вести машину по высокогорным дорогам.

В зеркале заднего обзора он заметил спешащий за ним «Запорожец».

«Черепашка, ты хочешь помериться силами со своим старшим братом! Это ведь невежливо! Хоть он и старая развалина, но все же «Москвич». — Даврон тихонько нажал правой ногой на акселератор.

Машина подпрыгнула, точно горный козел, увеличила скорость и удалилась от маленького нахала. Но через несколько минут тот снова появился в зеркале заднего обзора.

«Кем бы ты ни был — ты без царя в голове, — усмехнулся Даврон. — Ясно, что для такой скорости тебе пришлось использовать всю силу двигателя, все возможности этого малыша».

Даврон снова нажал на акселератор и вскоре преследователь исчез из виду.

Но от этого ему вдруг стало не по себе. «Я тоже хорош, не уступил, — подсадовал он. — Ну, пусть бы он нас обогнал, хоть бы порадовался. Как нехорошо... Мог человека порадовать, а не захотел. А ведь отец всегда мне наказывал: «Кто бы ни встретился тебе, старайся доставить ему радость. В мире нет ничего важнее, чем сделать человека счастливее».

Позже Даврон не раз каялся по этому поводу. Кто знает, если бы тогда он уступил «Запорожцу», возможно, многое обернулось бы по-другому.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Восточные мудрецы, утверждали, что путешествие — это победа человека над временем, над жизненной суетой, свобода от повседневных забот. Даврон, несмотря на все

трудности, любил путешествовать на своём «Москвиче». Не то что самолётом или поездом. «Съездил как во сне,— говорил он в таких случаях,— то ли дело пешком, с рюкзаком за плечами — остановишься где угодно, поговоришь с кем хочешь, насмотришься на свой край, налюбуйешься его красотой, чем-то огорчишься...»

Конечно, во время поездок Даврон испытывал немало затруднений и неудобств, но все это быстро забывалось. Иногда его одолевала такая тоска, что он ненавидел свою профессию врача, жалел, что не выбрал себе другого занятия. Трудно все же каждый день иметь дело с беспомощными людьми, больными душой и телом и даже обречёнными. Это порой угнетало его. Старинная восточная медицина считала, что если у человека нормальное психическое состояние и не сломлена вера в жизнь, он ничем не заболит. Исключение из этих правил — дети. Взрослый сперва потеряет надежду; интерес к жизни, надломится, а потом сляжет. **В** дороге, во время поездок, он, как правило, встречался с людьми сильными, здоровыми, и это радовало его.

...Первые трудности поджидали Даврона близ Шахристана: весной сель снёс старый мост, и теперь на этом месте строили новый. Метров двести машинам приходилось идти по бездорожью, к тому же участок был затоплен водой, ни одна машина не могла одолеть его своим ходом.

— На каждую болезнь находится лекарство,— улыбнулся Даврон, увидев трактор, который тащил на буксире грузовик.

— Здесь воды не меньше полуметра, почти до выхлопной трубы. И какая грязная! Просто жидкая каша,— сказал Испанд.

— Да, вполне может залить не только выхлопную трубу, но и трамблёр. Завязнем ещё... — согласился Даврон.

— Он вылез и подошёл к трактористу. Через несколько минут вернулся, молча снял ботинки, завернул до колен штанины брюк.

— С буксиром ничего не выйдет. Вернее, можно, но потом хлопот не оберёшься, — наконец проговорил, Даврон.

— А что тракторист сказал? — спросила Азиза.

— Да, так. Никудышный человек... Мне кажется, эта лужа — его рук дело.

Даврон осторожно ступил в грязную воду и, нащупывая дно, пошёл вперёд. Поняв его намерение, Азиза вылезла из кабины.

— Выходите... Выходите... — сказала она детям.

Даврон махнул рукой, давая понять, чтоб не беспокоились, потом он вернулся к машине.

— Мне не денег жалко, — громко сказал он Азизе. — Помнишь строки поэта: «Свою дорогу старайся прорубить своим топором, идти той дорогой, которую проложили другие — одно мучение!»

Солнце поднималось все выше и выше, и работы у тракториста прибавилось. Теперь он буксировал машины, не переставая.

...Даврон и в этом году провёл отпуск у отца, в родном селении.. Он помогал старику по хозяйству и подолгу работал на воздухе, раздевшись до пояса, косил траву, заготавливал сено для скота. Как всегда, к нему постоянно наведывались односельчане с разными просьбами, особенно больные. Даврон охотно давал им советы, некоторым выписывал направление в районную больницу, просил знакомых врачей помочь.

Приехав в отчий дом, он в первый же день шёл на могилу к матери. Один, а иногда и в сопровождении кого-нибудь из стариков-односельчан, заходил в хонакох¹,

---

¹ Х о н а к о х — домик на кладбище для молитв и других обрядов.

слушал там молитвы и рассказы об усопших. Потом бродил по тропинкам, где когда-то ходила мать, навещал ее близких подруг, по утрам шёл к роднику, откуда она обычно брала воду. Здесь он однажды утром увидел перевернувшийся трактор. Искалеченного тракториста пришлось оперировать в сельской больнице, хотя не то что больницей, но даже медпунктом назвать это помещение было трудно.

— Даврон-ака, взгляните хоть разок на моего ребёнка! — попросила незнакомая женщина, когда он, переодевшись после операции, вышел во двор.

— Сейчас врач освободится, апа² — попытался уклониться Даврон. Ему не хотелось обижать здешнего коллегу,

— Уже я стала для вас апа? Эх, Давронбек, Давронбек! Вы совсем забыли нас, — грустно улыбнулась женщина.

— Простите, я не узнал... — смутился он, стараясь припомнить, где он видел эти глаза, словно две чаши с родниковой водой, с чёрной сливкой в середине...

— Я — Зиёда. — Она лукаво взглянула на Даврона.

— Зиёда? Неужели это вы? — воскликнул он. — Боже мой! Никак не думал встретить вас. Сколько лет прошло?! Почти тридцать! Тогда нам было девять или десять... Помните, как мы играли, как ссорились? А наши матери говорили, что мы поженимся. Потом вы уехали из деревни...

— А вы плакали, провожая нас, — рассмеялась Зиёда,

— А потом я не раз убежал из дома, хотел поехать к вам. Как-то добрался даже до Миришкора.

— Все помните... А меня забыли.

— Нет, не забыл. И как мы поцеловались помню, — тихо проговорил он.

— О-о, бессовестный! — Зиёда покраснела и рукой закрыла лицо...

---

2 А п а — обращение к старшей женщине; старшая сестра.

...Почему сейчас, на этом бездорожье, вспомнилась Даврону неожиданная встреча с Зиёдой?

Он обернул полиэтиленом те части машины, куда могла попасть вода, ослабил ремень генератора и, босой, сел за руль.

— Садитесь,— кивнул он жене и детям.

— Оставьте, не позорьтесь!— воспротивилась Азиза.— Застрянем посреди болота. Да ещё тракторист заупрямится, откажется вытащить. Другие водители, наверное, не глупее вас. Мы не проедем на этом драндулете!

— Другие водители, конечно, не глупее. Только у них есть один серьёзный недостаток — лень.

— Хорошо, едем. Но если застрянем, потащите нас на спине, а мы будем погонять вас вот этим зонтиком,— пошутила она.

— Согласен,— рассмеялся Даврон,— вы ужалите меня, как скорпион, а я нырну в воду, как черепаха! Не будем друг на друга в обиде.

— Неужели никто не видит, какая здесь дорога?— вздохнула Азиза.— Не понимаю, куда начальство смотрит...

— Такое безобразие может длиться месяцами, никому дела нет. Хорошо, если случайно заедет машина какого-нибудь начальника и застрянет. А эти шофёра неделю будут сидеть, но не пожалуются. Просто безобразие. Такая беспечность, такое равнодушие,— с досадой сказал Даврон и обратился к детям. — Сидите спокойно и ничего не бойтесь. Мы проедем.

Он взглянул на лужу, которую предстояло «переплыть», и задумался. На какой-то миг его охватило сомнение, но он тут же отогнал его и взял себя в руки. Такое иногда с ним случалось при операции с неожиданным осложнением. Сомневаясь минуту-другую, он быстро принимал самое правильное решение.

— Увидите, как наш ослик перейдёт эту жижу, — с прежней уверенностью сказал он и бодро, словно убеждая себя, повторил: — Перейдёт, перейдёт!

Но Азиза поняла, что муж сомневается.

— Прошу вас, послушайте меня, — испуганно проговорила она. На лбу от волнения выступили капельки пота. — Не упрямитесь... Может быть, мы с детьми пройдем вон по тем холмам?

— Я сказал — садитесь! Не маленький же я, и голова у меня на плечах! Так проеду, что... — вспылил Даврон.

— Я, я... только и слышишь! Остановитесь!

— Проеду, и все тут! Не зря меня в институте прозвали фанатиком! На себе перетащу машину, перенесу на руках, но пройду!

— Да, фанатик. За эти годы во многом изменились, но только не в этом.

— Бог даст, проеду! — засмеялся Даврон. — Главное — верить.

— Как хотите, но я с детьми пойду в обход, а вы поезжайте на своей машине, — чуть не плача упорствовала Азиза.

— Не бойтесь! Поверьте мне, дорогая, поехали!

Даврон осторожно вёл машину по воде. Крутя руль то влево, то вправо, одну ногу он держал на акселераторе, а другую не отрывал от муфты сцепления. Приходилось беспрестанно газовать, чтобы не залило выхлопную трубу, ручным тормозом он придерживал дифференциал, а нажав на муфту, убавлял скорость. На удивление остальным водителям он вывел-таки свою машину!

Тем временем ещё две машины двинулись по его следу. Но огромный самосвал задним левым колесом вдруг угодил в яму, застрял и закрыл дорогу второй.

— Взял бы чуть правее... Хотя все равно бы застрял, — с улыбкой сказал Даврон.

Испанд принёс из арыка несколько вёдер чистой воды и вымыл машину. Даврон снял полиэтиленовую плёнку, закрепил ремень, подкрутил гайки, и они тронулись в путь.

— А если бы мы застряли? — с укоризной спросила Азиза.

— Говорят, риск — сила, а трусость — слабость, — серьёзно ответил Даврон. — Ведь написал же поэт: «Пока умный искал мостик, глупый перешёл речку босиком».

— Зачем рисковать без надобности?! Девяносто девять раз благополучно проедете и один раз застрянете, все равно такой риск не оправдан.

— Я все проверил, взвесил, и уверился, что проеду. Кроме того, учтите, что те, остальные, только водители, а я ещё и хирург. Наш брат любит чёткость, точность.

— Перестаньте хвастаться!

— А что тут позорного? Каждый должен гордиться своим умением. Твоему покорному слуге больше нечем возноситься. У меня есть ты, дети и моя профессия. Когда я вырываю из лап смерти больного, ты представить себе не можешь, как я горжусь!

— Мама, вот говорят «бог даст». Ты что-то об этом рассказывала, но я забыл, — сказал Испанд.

— Потом, потом, — отмахнулась Азиза.

Даврон, чтобы сын не огорчился, оказал:

— Я напомню. Однажды вечером возвращается хозяин после работы домой и спрашивает жену, готов ли ужин. Жена отвечает: «Сварила плов, накрыла крышкой, чтобы он допрел, и, даст бог, через каких-нибудь полчаса можно будет есть». Муж говорит: «Но если плов накрыла, даст бог — не даст бог, все равно поедим». Тут раздался стук в ворота. Входят два милиционера и уводят хозяина, И надо было такому случиться, что его забрали по ошибке, перепутали с однофамильцем. Пока выяснили, прошло два дня. Ночью он возвращается, стучит в ворота. Жена

спрашивает: «Кто там?» Он отвечает: «Даст бог, это я, твой муж».

Испанд засмеялся, и даже Азиза улыбнулась...

Неподалёку от посёлка Шахристан неожиданно спустил передний баллон. Как назло, Даврон не захватил резиновый клей: баллоны были новые. Досадуя на свою беспечность, он поставил запасное колесо и завернул в посёлок.

Ремонтной мастерской там не оказалось. Пришлось отыскивать гараж. Подъехав к воротам, Даврон спросил у сторожа, где мастера.

— Рановато ещё, сынок, — ответил белобородый старик, широко улыбаясь. — Скоро явится. Сядь, выпей со мной пиалку горячего чая. Видать, впереди у вас долгая дорога.

«До чего ж старики любят поговорить, — недовольно подумал Даврон. — Найдут слушателя, и радости нет предела, словно подарили им ещё одну жизнь. Мне сейчас и соловья слушать недосуг, а он...»

Поблагодарив сторожа, Даврон вернулся к машине.

Минут через пять старик остановил широкоплечего молодого парня, подошёл к воротам и позвал Даврона.

— Вот этот молодой человек — хороший водитель, мастер на все руки. Он все умеет. — Затем, повернувшись к парню, добавил:

— Это приезжие, гости, помоги им, сынок, сделай доброе дело. Даст бог, и ты, попав в другие края, не останешься без помощи.

— А что случилось? — спросил парень у Даврона.

— Камера спустила. Надо бы заклеить.

— Посмотрим.

Он вынес инструменты, быстро заклеил камеру, положил ее под горячий пресс в гараже. Когда все было готово, Даврон протянул мастеру трёшку.

— Что вы, ведь вы гость. Я просто помог. У нас за помощь денег не берут,— отказался парень, краснея.— Счастливого пути. — И не оглядываясь, быстрыми шагами ушёл в гараж.

— Видите,— с улыбкой обратился Даврон к жене и сыну,— не перевелись ещё добрые и честные люди. Конечно, встречаются и такие, как тракторист, но их, к счастью, немного. Земля держится на плечах достойных людей, дети мои! Клей и резину оставил! Говорю ему—не надо, а он своё: «Запас мешок не порвёт». Правильно предки сказали: что отдал людям, только то — твоё.

Дорога постепенно поднималась в горы. Похолодало. Небо стало чистым и ясным. Нельзя было не залюбоваться красивыми горными речушками и величественными арчовыми лесами Шахристана. Даврон под разными предложениями останавливался у обочины, чтобы подышать хвойным ароматом, полюбоваться водопадами, умыться в прозрачной горной речке. И каждый раз с большой неохотой возвращался в машину. Ему хотелось петь, читать стихи, восторгаться этим райским уголком, но на ум ничего не приходило. «Нет, видно, ещё не родились строки, достойные величия и красоты этих гор»,— успокоил себя Даврон.

Неожиданно ему вспомнилась Муниса, и он улыбнулся. Спор с самолюбивой красавицей в дни далёкой юности, видно, так и будет тревожить его всю жизнь, словно незарубцевавшаяся рана.

Тогда Даврон увлекался поэзией, был активным членом литературного кружка и сам писал любовные стихи. Свои сочинения он читал Мунисе, студентке филфака университета. И вскоре понял, что пишет только из-за неё и только для неё. Стихи давались ему легко, текли свободно, и все же в один прекрасный день он решил покончить с этим занятием.

— А зачем? — сказал он удивлённой его решением Мунисе, которая каждое его новое стихотворение читала своим подружкам. — Я могу принести больше пользы в медицине. И вам советую как можно скорей отказаться от этого баловства. Не тратьте времени понапрасну. Не обижайтесь на меня. Кто же скажет правду, кроме друга?

Муниса нахмурилась.

— Значит, у меня нет таланта? — глаза девушки сузились.

Даврон выдержал этот острый укоризненный взгляд и покачал головой, хотя знал, что это ему никогда не простится.

— Чехов обладал необыкновенным талантом писателя и тем не менее не отказался от медицины. А вы.... Но это ваше дело... Я поступил в институт не с чёрного хода. Первый год не прошёл по конкурсу. Зачислили на подготовительное отделение с условием, что год поработаю санитаром в больнице. Многие тогда отказались от такого условия, а я согласился. Работал, трудился без отдыха...

Это, или примерно это, говорил Даврон в тот памятный день красавице. Сердце его обливалось кровью, предчувствуя разлуку.

Был у них общий друг по имени Зафар, прямой и резкий парень. Он даже с Мунисой разговаривал пренебрежительно, обрывал ее, насмехался, и она его побаивалась. Даврон, как бы извиняясь за его грубость, говорил, чтобы не обижалась: ведь у него даже кличка «хулиган».

— Он не хулиган, а бандит, — возмущалась Муниса. Но при Зафаре рта открыть не смела, он тут же начинал ее дразнить.

— Слушаю вас, ханум, вы, кажется, что-то сказали? Или хотите осчастливить нас своими виршами? А? Не стреляйте черными глазками, нас так легко не возьмёшь.

Обиженная Муниса уходила, но через некоторое время снова появлялась у них в общежитии, так как была увлечена Наимом, а тот был неразлучен с товарищами. Однажды Наим имел неосторожность заявить во всеуслышание, что женится на Мунисе, и получил затрещину от Зафара. Они поссорились навсегда.

— Это не «Зафар», а «Захар»³— говорила про него Муниса.

С тех пор прошло много лет, и их пути разошлись. Встречались они редко.

Перед отъездом в отпуск Даврон увидел Зафара с перевязанной рукой. Несмотря на травму, он шёл на работу. Более того, заболел шофёр директора, и Зафару пришлось заменять его, сесть за руль. Это с одной рукой! Зафар рассказал Даврону, как это случилось. В воскресенье сосед попросил его вставить стекло.

— Завтра вставлю,— отмахнулся было Зафар, но тот не отставал.

Пришлось согласиться. И надо же было такому случиться — стекло упало ему на руку и чуть не перерезало вену. Зафара увезли в больницу.

— Представляешь! Этот бессовестный человек ни разу не пришёл ко мне. Я же не за деньги нанимался, просто так ему все делал, поэтому этот жмот и привязался ко мне. Но ничего, я покажу ему! — негодовал Зафар.

Да, не будь Зафар мастером на все руки, с таким несносным характером ему пришлось бы туго. Только золотые руки да сильная воля и спасали его. Как-то, остановив Даврона на улице, он сказал:

— Позавчера я стоял на остановке, а ты проезжал мимо. Машину обязательно покажи мастерам в СТО, кажется, у тебя поршневые кольца сели и бензонасос барахлит. Масла много расходуется?

---

3 «З а ф а р» — победитель, «З а х а р» — ядовитый.

Даврон кивнул.

— Если ты быстро и точно определяешь болезни у людей, как я у машин, приезжай, починю бесплатно. Бездарей ненавижу, от них только вред и беспокойство. Да ты не обижайся, я не о тебе. Ведь ты, слава аллаху, свою «кройку и шитье» знаешь...

— Не всякому дано то, что тебе, — с сожалением в вздохнул Даврон.

Зафар рассмеялся.

— Моя бы воля, собрал бы в кучу всех тупиц-дармоедов — да на Крайний север или на Памир. Пусть тоннель прокладывают в горах. Это же трутни, от них никакой пользы. Если трутней много, пасека погибнет, уважаемый хирург! Вот пчелы умнее нас, не допускают этого. К зиме всех трутней выгоняют из улья, как паразитов...

— Хорошо, что тебе не дали этой воли. Даже представить страшно, что было бы... — улыбнулся Даврон, дружески похлопывая Зафара по плечу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Некий мудрец сказал, что счастье равноценно здоровью. Улыбнулась тебе судьба — наслаждайся жизнью, но начнёт привередничать, не налегай сразу на сильнодействующее лекарство. — Так отвечал Даврон своей жене, когда она жаловалась, что ей трудно жить на чужбине, вдали от родных, — Как может быть чужой своя страна?

— Человек не саженец, что приживается, растёт и плодоносит всюду. Без родных человек — что дерево без корней, — не сдавалась Азиза. — Вы сами видите, как не похожи наши дети на здешних. Я не хочу, чтобы они

выросли бессердечными эгоистами. Да и мои родители уже старые, нуждаются в нашей помощи, а живут далеко от нас. Как бы потом не каяться. А на хлеб насущный всюду можно заработать.

— Потерпи ещё немного, дай закончить работу.

Впереди показался Шахристанский перевал. На горных вершинах лежал густой туман. Дорога, извиваясь, шла вверх и терялась в белой пелене.

Из арчовника дул свежий, прохладный ветерок.

— Папочка... Не надо в горы,— вдруг снова сонно пробормотала Мехри.

— Прекрати, Мехри! — резко оборвал ее Даврон.— Надоело.— А в душе опять забеспокоился. «Почему она упорно повторяет одно и то же?» — Может, вернёмся? — опросил он жену.

— Мы уже проехали половину пути! — пожалла плечами Азиза и после долгого молчания сказала: — Я хорошо поняла, что самолюбие, или, вернее, себялюбие, мужчин беспредельно. Они меньше обижаются, когда женщина лжёт, чем когда говорит правду...

— Дорогая, сейчас правда стала горьковатой, кому это понравится?! — попытался отшутиться Даврон.— Особенно теперь, в век научно-технической революции... Лучше взгляни на эти арчовые леса, отличное место для отдыха. Почему бы двум-трём семьям не договориться и не приехать в этот райский уголок? Никаких забот — достаточно купить по одной палатке. В городе жарыща, сорок пять градусов, а здесь не больше двадцати.

— Кому это нужно? Здесь умрёшь от скуки. И разве в таких ущельях заснёшь?

Даврон улыбнулся. Видимо, Азиза помнит ещё страшные сказки, услышанные ею в детстве. И чего тут бояться? Даже диких зверей стали называть братьями меньшими.

За Шахристанским перевалом на площадке стояло много грузовиков. Здесь было место передышки; водители обедали, проверяли моторы, устраняли мелкие неисправности. Даврон остановил машину, осмотрел колеса, тормозную жидкость и, убедившись, что все в порядке, двинулся в, путь.

«Почему руль, тяги, тормоза не дублируются? — размышлял он.— Если в горах один отказал, другой бы сработал. Жаль, нет у меня инженерных знаний, машину досконально не знаю. В пору моей молодости автомобиль был редкостью. А теперь молодёжь-то должна хорошо разбираться в технике. Кстати, законы механики большое подспорье и хирургам...»

Внимание Даврона привлекли крытые грузовики с дынями. Интересно, откуда их везут? Ведь на таджикской земле растёт не только хлопок. Мы отправляем свои дыни в Сибирь, а торгаши из соседнего Узбекистана везут к нам. В городе милиция разгоняет продавцов лепёшками. Говорят: «Дети не должны заниматься торговлей, пусть учатся в школе». Верно. И в то же время некоторые юнцы на деньги родителей пьют, курят, шатаются по ресторанам и барам. Истинную цену труду, хлебу, соли, человеческой доброте могут познать лишь труженики, а не праздношатающиеся бездельники, бородатые младенцы. Пусть бы и дети приучались к труду, помогали своим родителям... Честную торговлю запрещают, а вот спекулянтов дынями не трогают. Это просто вредительство. Говорят, что в районах портятся тысячи тонн овощей и фруктов, их не берут по разным причинам торгующие организации. А горожане покупают на базаре огурцы или помидоры раз в пять дороже государственной цены. Причины известные всем, но никто ничего не пытается исправить...

Машина не потянула на второй скорости, пришлось перейти на первую. Даврон взглянул на щит приборов, вода почти закипала. Он включил отопление.

Не прошло и минуты, как стало жарко. Включил вентилятор.

— Все машины так трудно одолевают перевал? — спросила с усмешкой Азиза. — Мне кажется, другие идут быстрее и смелее.

— Наша машина плохо тянет. Вода закипает. Все делаю, чтобы хоть немного остыла.

— Почему? Разве нельзя исправить? Сколько раз вы ездили ремонтировать? — не отставала Азиза.

— Нет поршневых колец. Мастера не хотят браться за трудное и невыгодное дело. У меня пропало всякое желание туда ездить. Зафар говорит, что если у меня будут кольца, он поставит. Но где их найти? Порядочному человеку лучше не связываться со станцией техобслуживания. Если кто-нибудь в частном порядке сделал бы мне машину, я с радостью заплатил бы. Но...

— Но другие находят же с ними общий язык. Сунут кому надо в карман десятку — и все в порядке.

— Что верно, то верно, с такими людьми я не нахожу общего языка.

— Вот и мучаемся. Сколько людей ежедневно обещают к вам с просьбами...

— Я врач, и больной для меня есть больной, даже если он мерзавец, но от мерзавца я не приму никакой помощи.

— Ну и оставайтесь со своими принципами! — рассердилась Азиза.

Дорога круто повернула, и Даврон сосредоточенно замолчал.

— Другие давно уже диссертации защитили, — снова поддела мужа Азиза, — а вы со своими знаниями чего достигли? Говорят ведь, надо плыть по течению. Чем

стишки читать, механику изучать, вникать в инженерные премудрости, лучше бы работали...

— Вот опять обрушилась на мою бедную головушку! — попытался отшутиться Даврон. — Я в отпуске, никто не имеет права напоминать мне о работе. Но имей в виду, и стишки, как ты изволила выразиться, и эта механика, и инженерные премудрости просто необходимы в моей профессии. Движения рук и ног — это тоже механика. Знаешь, я мимоходом выяснил действие мумиё на кровь. Осталось проверить ещё два-три предположения и тогда все.

— У вас каждый день новые предположения. Одна кандидатская диссертация не сделает революции в науке.

— Я и не собираюсь делать революции, хочу выяснить кое-что — вот и все. Например, наши предки рекомендовали принимать мумиё только поздно ночью, перед сном, чтобы шум не тревожил больного. И человек, принимающий мумиё, в течение года не должен есть рыбы. Я хочу понять, почему?

Дорога, петляя, все круче и круче поднималась вверх. Теперь деревья не устремлялись к небу, а опасливо склонялись на бок, словно страшась этой высоты. Мотор стонал от напряжения. Колеса буксовали, в кабине пахло горелой резиной. Даврон был вынужден скатиться на несколько метров вниз, чтобы мотор «перевёл дух», и потом с разгона бросился вперёд. Машина шла, задрав нос к небу, но через каждые пятнадцать метров двигатель снова взвизгивал, как обиженный щенок, а колеса начинали буксовать, раскидывая камни и песок.

Задремавшие дети проснулись от шума. Девочки начали капризничать и ссориться, а Испанд беспрестанно задавал вопросы, требовал на них немедленного ответа:

— Почему не проведут тоннели, через перевал? Ведь тогда намного сократится путь между Душанбе и

Ленинабадом, круглый год можно будет ездить... Кто готовит войны — военные или политики?.. А тоннели не повредят природе?

Отвечая сыну, Даврон думал, что тридцать лет назад, когда он сам учился в школе, вообще не было такой проблемы — охранять природу, а теперь об этом знает каждый первоклассник, и эту проблему создали взрослые. В Яване построили химзавод, а ведь там сто тысяч гектаров плодородной земли. И это в республике, где девяносто три процента территории занято горами... Говорят, раньше архитектора наказывали за просчёты в планировке...

Девочки расшумелись не на шутку, пришлось их уgomонить:

— Ну-ка, пташки, уймись! Дорога опасная, не отвлекайте меня! — прикрикнул на них Даврон.

Заморосил дождь, пронзительный, тонкий, словно волосы. Машина вошла в плотный слой облаков. Заработали «дворники» на стёклах. Даврон включил фары и черепашьим шагом стал пробираться сквозь густой туман, предупреждая сигналом встречные машины на поворотах.

— Ну и горы, ну и дорога! — не могла скрыть своей тревоги Азиза.

— Конечно, дорогу надо было разровнять, расширить, очистить от камней. Когда-нибудь ее, наверно, заасфальтируют, сделают оградительные барьеры, — сказал Даврон.

Через полчаса они достигли самой высокой точки перевала. У столба с указанием высоты над уровнем моря находилась ровная площадка для стоянки.

— Как темно! Дороги совсем не видно. Подождём, а? — со страхом проговорила Азиза.

— А туман-то... Будто натянули марлю в несколько слоёв. Подождём.— Даврон остановился.— Не бойся,

машины идут через перевал и ночью. Вот мы с Испандом как-то ночью проезжали Анзобский перевал. Тот покруче.

Даврону хотелось успокоить жену и детей. Темноту Азиза считала опаснее тумана. Но Даврон-то понимал, что фары могут раздвинуть темноту и осветить дорогу, но сквозь туман лучам не пробиться.

— А вдруг туман продержится несколько дней, что тогда будем делать? У нас еды не хватит... — забеспокоилась она.

— Туман рассеивается. Ты чувствуешь, какой ветер?

Даврон включил приёмник. Раздался треск. Он вышел из кабины и поднял антенну. От сильного ветра и холодного дождя Даврона знобило.

— Внизу жара невыносимая. Целый месяц сорок пять градусов. Не знаешь, куда деться. Ну что бы половину этой прохлады в долину! Климат нашей планеты год от года теплеет. В годы моего детства Сырдарья зимой покрывалась таким толстым льдом, что по нему проезжали машины, арбы, ходили люди, только солому на лёд стелили. Зимой на улице катались на коньках, а теперь даже наш маленький пруд не замерзает. Видимо, тепло, выделяемое техникой, нарушает равновесие в природе.

— Придумали бы как нейтрализовать тепло, газы, дым,— задумчиво сказал Испанд.

— Сын в отца — мечтатель,— усмехнулась Азиза.

— На такой высоте и мысли высокие приходят,— улыбнулся Даврон,

Дети попросили есть и Азиза дала им по крутому яйцу и пирожку.

— Папа, расскажите что-нибудь весёлое, — попросил Испанд.

Бывали моменты, что Даврон развлекал свою семью смешными анекдотами или забавными приключениями,

— Муаллима, расскажи нам анекдотик или случай из жизни. Ты же за жизнерадостность,— обратился он к

жене.— Одна минута смеха равна сорока пяти минутам гимнастики. Кто это говорил?

Она не ответила.

— Ну ладно, слушайте, — миролюбиво сказал Даврон — Однажды пришёл к великому врачу Ибни Сино больной и пожаловался, что у него разболелись волоски на бороде. Ибни Сино спросил: «А что ты ел утром?» «Утром я ел лёд с хлебом», — отвечает больной. Учёный прикусил палец в удивлении и воскликнул: «Уходи, дорогой, ради бога от меня, ни твоя еда, ни твоя болезнь не похожи на человеческие!»

Даврон рассмеялся, за ним Испанд.

— А ты почему не смеёшься? — удивился Даврон, взглянув на Азизу.

Она уныло смотрела в окно, на снег, залежавшийся в оврагах, на низкие деревья и с беспокойством раздумывала, удастся ли им благополучно спуститься с этой страшной высоты. Невесёлые думы омрачили ее лицо.

— Сегодня тебя не сможет развеселить даже сам Шальной Арбады, — заметил Даврон.

— Зато вам в этом повезёт...

Испанд рассмеялся. Мехри, подражая брату, тоже залилась звонким колокольчиком.

— Слушайте, это совсем новенький, как говорят, ещё незапылившийся анекдот, — не сдавался Даврон. — Сын одного невежды поступил в медицинский. Отец его опрашивает: «Ты каким врачом собираешься быть?» «Буду лечить живот». Отец поучает: «Ты — глупец! У человека один живот. Лучше стань зубным врачом, ведь у каждого человека по 32 зуба».

Испанд снова рассмеялся и спросил:

— Папа, эти анекдоты, правда или выдумка?

—Некоторые я вычитал в книгах, где собраны смешные факты из жизни известных людей. И часто в них нет вымысла.

Несколько грузовых машин с ярко горящими фарами прошли мимо. Казалось, туман несколько рассеялся. Даврон завёл машину. Спускаться с горы намного опаснее, чем подниматься, и, понимая это, все замолчали.

Даврон сосредоточенно смотрел на дорогу, а мысли его были далеко. Сначала ниточка воспоминаний привела в клинику к сослуживцам, потом — в годы юности, когда он познакомился с Азизой. Она лежала в больнице, где он проходил практику. Девушка сразу привлекла его внимание серьёзностью, скромностью, в ней не было фальши, чванства, хотя держалась она с большим достоинством. Этим она понравилась Даврону. Некоторые мужчины любят, чтобы женщина их рабски слушалась. Потом, когда жена превращается в тень мужа, они удивляются, почему гордая и красивая девушка, стала такой непривлекательной женщиной? Сами убивают в ней чувство достоинства, а потом, с тоской глядя на безликое существо, растерянно опрашивают: неужели я когда-то без памяти любил ее? За что?

Даврон не уподоблялся таким мужчинам. Правда, он давал жене советы, помогал, но никогда не подавлял ее волю. И поэтому Азиза всегда чувствовала себя рядом с ним легко и свободно. А если бы он связал свою жизнь с такой, как Муниса, что тогда?.. Да, они абсолютно разные! Даврон вспомнил случай с поэмой Мунисы «Прогулка по берегу реки»... Поэма состояла из трёх частей, трёх незавершённых стихотворений, в которых Даврон не обнаружил ни одной путной мысли, ни одной удачной строки. Все было бы ещё ничего, если б через некоторое время он случайно не услышал разговор двух начинающих поэтов:

— Старик, здравствуй!.. Поздравляю. Читал твоё сочинение. Представляю, какая это была восхитительная прогулка. Здорово получилось. Честно говорю — далеко пойдёшь! — сказал один из них.

— А где это напечатано?— поинтересовался Даврон.

— В сегодняшней молодёжной газете. Не читал? Страница прямо расцвела!

— Да не слушайте вы его, он шутит,— недовольно сказал второй и укоризненно взглянул на друга.

Даврон купил газету и не поверил своим глазам. Там была опубликована знакомая поэма... Мунисы! Стихи, правда, прикомпоновали, отшлифовали. Даврон решил во что бы то ни стало поговорить с Мунисой.

— Сам не знаю, почему вспомнилась мне Муниса, даже настроение испортилось,— вздохнул Даврон.

— Следите за дорогой,— сухо заметила Азиза.— О таких даже вспоминать грех. Оба они бездельники — что муж, что жена. Зафар вообще не знается с ними и правильно делает.

— Зафар... Зафар — личность. А я? Всего-навсего бедный фанатик... Неизвестно, кто из нас счастливее. Старики говорят: «У кого ума больше, у того и горя больше». Хотя Зафар и не глупее меня, но счастливее, это точно. У него что на уме, то и на языке. Я часто говорю не то, что думаю, боюсь обидеть человека. На многое закрываю глаза. А потом совесть заедает. Трудно жить с таким мягким характером.

— Говорят, плохому танцору и штаны мешают,— засмеялась Азиза.— Сколько проходимцев понятия не имеют о совести, а живут себе припеваючи. Все им удаётся, даже творчество...

Даврон, не отрывая глаз от дороги, задумчиво улыбнулся:

—Извини... Такое творчество и гроша ломаного не стоит. Самообман это.

И вот долина, первые сады, первые каменные строения. Азиза и дети радовались, что перевал наконец остался позади. Уши заложило, как при полете.

ГЛАВА ЧЕТВЕРАЯ

Машина катилась по Зарафшанской долине. Горы Фалгар не понравились Азизе, выросшей в цветущей долине, среди садов. Ни деревца, ни кустика — голые камни, выжженные жестоким летним солнцем, оползни из красного песчаника.

— Здесь тоже много зелёных ущелий и селений с отличными садами,— словно оправдываясь, говорил Даврон. Ему хотелось, чтобы дети знали и любили каждый уголок своего родного края. Ведь все сразу не увидишь.

—А почему вода такая мутная?— спросил Испанд, поглядывая на реку. Когда у деда чинили крышу и готовили обмазку с мелкой соломой, глина была точно такой.

—Эта вода, минуя Самарканд, проходит через Миёнколот, доходит до Бухары, омывает многие земли. Вряд ли я ошибусь, если скажу, что каждая ее капля превращается в золото урожая. Без этой воды наши земля наверняка погибла бы.

— Миёнколот — это маленький город, папа?

—Нет,— Даврон помедлил, обдумывая, как лучше объяснить сыну.— Этого места даже нет на карте. И многие, особенно молодёжь, и не подозревают о его существовании. Знают о нем лишь старики, да в книгах прошлых авторов можно встретить это название. Например, в сочинениях Айни. Два берега реки Зарафшан от Самарканда до Бухары называют Миёнколот или Миёнкол.

Недалеко от Самарканда река делится на два рукава, а затем, вблизи Хатирчи, вновь сливается. Настоящий Миёнкол, считают, расположен посреди двух рукавов.

Испанд внимательно слушал, по его лицу было видно: у него возникло много вопросов о замечательном Миёнколе...

Дорога шла вдоль реки, а потом; резко побежала в гору. Дожди смыли песчаник, и дорога настолько сузилась, что в нескольких местах встречные машины с трудом могли разминуться. Даврон уже проехал метров двадцать, как наверху показался грузовик. Даврон резко засигналил, но шофёр даже не затормозил. Высунув из кабины голову в грязной тубетейке, он заорал во всю глотку:

— Эй, ты, назад! Давай назад! Не видишь, я не могу податься назад! Ты же правила знаешь! — бесцеремонно «тыкал» в два, раза моложе Даврона парень.

— Я сигналил, почему ты не остановился? Ведь так положено. Был бы внизу, другое дело — мне переждать.

Но водитель не слушал Даврона. Поневоле пришлось дать задний ход.

— Ни правил не соблюдает, ни людей не уважает. — С горечью крикнул и Даврон, хотя знал, что парень его не слышит.

Он помрачнел и теперь вёл машину расслабленно, Азиза попыталась успокоить мужа,

— Не расстраивайтесь... Разве так можно?! — ласково проговорила она. — Не уступил дорогу какой-то дурак, ну и что? Умный должен быть покладистым... Вы же сами говорили, что во все времена умный уступал глупцу.

— Доуступались... Вот за это и расплачиваемся. Доуступались. Профессор придерживает дверь, а студенты проходят мимо, и никому не приходит в голову уступить ему дорогу. Или ещё хуже: кто-нибудь толкнёт старшего, а извиниться и не подумает, конечно, если этот старший не читает им в данное время лекций.

— Довольно, хватит... Не все же такие. Есть, конечно, невежды, но хороших больше...

— Хорошие, воспитанные, честные и т. д. и т. п.— перебил жену Даврон.— Знаю эту песенку, привык под ее мотив успокаивать себя и окружающих. Ты себя успокаивай — так будет лучше. Ведь нередко приходишь из школы в слезах, не спишь ночами.

Азиза ничего не ответила. Она хорошо знала, что муж по мелочам не горячится, но уж если разъярится, успокоить его трудно. А ведь какой был весёлый, беспечный и жизнерадостный в молодости... Странно, но иногда жизнь делает грубого, неотёсанного человека мягким и обходительным, и наоборот. Может, похвалы испортили Даврона? Перспективное будущее, отличный хирург... Но если не умеешь ладить с людьми, многое ли дадут тебе знания? Даврон не может понять этой простой истины. Смотрит на других свысока, он, дескать, особенный. Конечно, он не такой, как тот аспирант, который, пока писал свою диссертацию, крутил любовь с дочерью известного учёного, хотел жениться. А защитился — забыл и дочку и отца... но Даврон не утруждает себя поздравлением с днём рождения своего руководителя или заведующего кафедрой! Другие встречают и провожают их в аэропорт, а муж ее ничего и никого не замечает. Хвалили, хвалили его и перехвалили. Теперь он ни рыба, ни мясо. И зачем было выходить за него замуж? Олим, к примеру, красивее его. Да не один ведь Даврон талантливый да образованный. Сватались и кандидаты наук, но от судьбы, как говорят, не убежишь. Конечно, нет повода раскисать, только не плыл бы он все время против течения....

— Мама, мне скучно, — закапризничала Махруй.

— Мне тоже, — подхватил Испанд.— И устал... сидишь как прикованный.

— Сейчас. Вот будет удобное местечко, отдохнём. Большая часть уже позади.

— А я есть хочу... — заявила Мехри.

Машина шла по берегу Фон Дарьи — одного из крупных притоков реки Зарафшан. Дорога и река в этом тесном ущелье напоминали двух сцепившихся змей: то дорога сворачивала влево, а река вправо, то наоборот. Громадные, высотой с пяти-десятиэтажные небоскрёбы, скалы нависали над дорогой.

«Какие огромные скалы,— думал Даврон.— Камни, камни, камни... Современная архитектура тоже поотстала. Наши прадеды из таких камней создали мемориальные ансамбли Бухары и Самарканда. Ленивый так и умрёт в лени, тёмный в темноте. Но труд и талант народа будет жить вечно. Сколько открытий ещё ждёт наших потомков. А вот точная копия селения Сорбог». Вспомнилось, как в столичной больнице он оперировал старика из Сорбога, удалил ему почку. Через несколько месяцев к нему явился его сын, очень расстроенный.

— Отец опять захворал. Наш доктор поглядел и в город бумажку написал. Но отец ни в какую. Говорит, если умирать, то в родном Сорбоге. Да стану я за вас жертвой, съездили бы, посмотрели моего отца. Очень прошу,— умоляюще проговорил приезжий.

— А на чем? Машина есть? — спросил Даврон, представляя семьдесят километров горной дороги.

— Наша машина — автобус. Откуда у нас личная или государственная?

— Сейчас не могу поехать, видишь, больные ждут. Завтра у меня выходной, постараюсь добраться. Ждите,— пообещал Даврон, проводив парня до двери.

А в воскресенье они с Азизой были приглашены к знакомым на свадьбу. Азиза рассердилась: «Прооперировали и теперь до судного дня будете с ним нянчиться?!

Пусть сюда привезёт отца. Есть, наконец, больница, Какая вам польза от этого, не понимаю. Одни неприятности...» Да, работай он по женской указке, давно потерял бы своё лицо и был уже не Давроном, а Бободустом. Тот никому не нужен, и живёт спокойно. Интересно все-таки, вот других невежд быстро раскусили, не доверяют сложных операций, назначают ассистентами к толковым хирургам, А Бободуст ловко скрывает свою бездарность и даже попал в число лучших. Сам Нематзода считает его способным и возлагает на него большие надежды. А вот больных не обманешь, у них особое чутье. Когда они стали жаловаться на Бободуста, Даврон поначалу не верил.

Слева показалось узкое ущелье, и Даврон, резко затормозив, свернул туда. Небольшой приток струился меж камней и добежал до бурной Фон Дарьи. Даврон остановил машину у маленького водопада. Ветер сквозь невидимое сито сеял во все стороны мелкие брызги, пахло горными травами и веяло свежестью от темной воды.

Дети с радостными воплями выбрались из машины и бросились к водопаду, забыв о голоде и усталости.

Подставляя лица и руки холодным каплям, они резвились и громко визжали.

На плоском и ровном камне у воды Даврон расстелил коврик, на маленькой скатерти разложил еду и опустил дыню в холодную воду. Азиза все ещё сидела в машине. Даврон нахмурился. Кусок не лез ему в горло, когда за обеденным столом не было хоть кого-нибудь из семьи. Многие мужчины, возможно, смотрят на это проще и посмеиваются над такими, как Даврон.

Дети наконец утомнились, собрались вокруг скатерти и ждали мать.

— Иди к, нам, не бойся — солнце тебя не уьёт,— сердито сказал Даврон.

— Оставьте меня в покое, ешьте сами. Не хочу я. У меня от солнца голова болит,— наотрез отказалась она.

Даврон накормил детей отварным мясом с хлебом, разрезал дыню. Ел он безо всякого удовольствия. Он злился на жену, мысленно ссорился с ней, спорил. Да, человек жаждет любви, ищет ее, но часто принимает за любовь улыбки, поцелуи, ласки... Внешние проявления чувства обманчивы. Главное — видеть жизнь одинаково. Однако и сам он хорош, стал придирчивым, мелочным. Разве это дело? От солнца, действительно, может разболеться голова. Вот прошлой осенью, когда по воскресеньям врачей и сестёр больницы отправляли на сбор хлопка, женщины возвращались с головной болью. После такой работы кожа на руках трескалась, покрывалась царапинами. Под ногтями грязь... Такими руками страшно брать скальпель. И когда только научатся ценить время специалистов? Платили бы за килограмм хлопка двадцать копеек — колхозники и сами бы управились. Врачи, правда, даром собирают, но пользы от этого нет никому.

— Поехали,— сказал Даврон детям и сел за руль.

Больше он не произнёс ни слова и даже не взглянул на жену.

Азиза тоже была мрачная, молча пересела назад, оставив сыну место рядом с отцом.

Настроение было надолго испорчено, хотя, вроде, и не было повода. Возможно, причина таилась в нем самом, а может быть, по каким-то, ещё неизвестным законам природы, подсознательно он предвидел надвигающуюся беду. Кто знает? Но с каждой минутой тревога все больше и больше охватывала Даврона. И до этого он неоднократно убеждался в том, что то или иное событие, радостное или печальное, он предчувствовал заранее.

«Если у человека есть чувство предвидения, значит, существует какая-то закономерность»,— думал он, уныло

глядя на дорогу. Девочки дремали, положив головки на плечи матери. Испанд тоже прикорнул. В полусне ему померещилось, что вот-вот машина налетит на валун, он явственно услышал чей-то испуганный крик: «Авария!» Авария!» Мальчик вздрогнул, открыл глаза, с опаской посмотрел на отца. Ему показалось, что тот ведёт машину неосторожно. Раньше, заметив яму или колдобину, он плавно сбавлял скорость, а сейчас, объезжая выбоину, он резко, даже со злостью, крутит руль.

Даврон старался взять себя в руки и отогнать тревогу. Вспомнил, как несколько лет назад его послали в Сангоб на эпидемию желтухи. Работал там целых два месяца. Одну молодую женщину муж из ревности не показывал врачам, лечил знахарскими снадобьями, вроде коровьего желудка, тыквы и моркови. И это в наш-то век, когда имеется столько препаратов! Даврон вместе с медсестрой пошёл к больной. Муж не пустил их. Пришлось звать на помощь председателя местного Совета. Увидев власть, молодой муж выбежал за ворота с налитыми кровью глазами и закричал:

—Если вам нужна моя жена, заходите, я даю ей талок*! Даврон поразился, до какой ярости может довести человека невежество и религиозный фанатизм...

У селения Такфон Даврон притормозил машину возле сельмага и, повернувшись к жене, как можно ласковее спросил:

—В магазин не зайдёшь?

—Нет,— отрезала Азиза.

Когда ещё отыщется такая возможность наладить отношения? Даврон открыто пошёл на мировую, но Азиза

---

* Талок -- развод. Если муж говорит, жене слово «талок», то по законам ислама им нельзя больше жить вместе, а если муж трижды говорит «талок», то и примирить их нельзя.

не приняла ее. Ну что ж, ей самой же хуже. Гордыня для сердца, что ржавчина для металла.

Дорога и река едва умещалась в узком ущелье.

Вдали серебрилась гора Анзоб. До перевала оставалось ещё километров пятьдесят. Стояла такая тишина, что у Даврона сжалось сердце. Он включил приёмник, но треск резанул по ушам, заглушая далёкую музыку.

Даврон раздражался все больше и больше.

«Тоже мне радио, ерунда какая-то. Продают же такое барахло, и цена хорошая, не больше, не меньше 187 рублей. Месячной зарплаты врача не хватит. Да ладно, нечего расстраиваться. И без приёмника можно прожить, не в этом счастье. В молодости счастьем казалась женитьба на Азизе. И что? Начались проблемы с жильём. После долгих мытарств получили квартиру. Опять проблема — защита кандидатской диссертации... Все время что-нибудь да надо, нет предела человеческим желаниям. А теперь вроде ничего и не хочется. Неужели подкрадывается старость? Бывало, не пригласят на собрание или заседание, обижаешься. А теперь даже радуешься...

Спускающийся с большой скоростью «Жигуленок» на крутом повороте вдруг перешёл на встречную полосу. Даврон попытался свернуть налево, чтобы пропустить, его справа от себя, но за «Жигулями» появился бензовоз. Даврон изо всех сил нажал на тормоз и остановился.

— Ай, па-па! — вскрикнул Испанд.

Даврон никак не мог понять, почему «Жигуленок» приближается, несётся прямо на него. Инстинктивно сжал руль, так бы желая уберечься от удара. Визг тормозов, скрежет железа... Бензовоз промчался мимо. Слава богу, хоть не смял колёсами. В воздухе повисли истошные крики детей и Азизы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Даврон открыл глаза. Ветрового стекла перед ним не было. «Когда это случилось? Или я потерял сознание?.. Дверцы «Жигулей» распахнулись, из кабины выскочил коренастый мужчина средних, лет с ярко-рыжими волосами, следом четыре парня.

Даврон с трудом повернулся и, увидев окровавленное лицо сына, зарычал, как затравленный зверь. Он рванулся было к мальчику, но сиденье прижало его к рулю, и сколько он ни старался, не мог освободиться.

Тогда Даврон попытался открыть дверь, но и это ему не удалось. Боль в ушибленной левой руке и груди мешала ему с силой нажать на повреждённую дверь.

В отчаянии от своей беспомощности и боли он застонал и потянулся к правой двери. Из машины уже выскочила Азиза и тигрицей набросилась на рыжего кудрявого водителя:

—Будь ты проклят, слепец паршивый! Если с моим сыном что-нибудь случится, я выцарапаю твои бесстыжие глаза! Не умеешь водить машину, зачем садишься за руль, окаянный! — не переставая осыпать рыжего проклятиями, она пыталась открыть дверь машины.

Вокруг собрались водители и пассажиры проходящих машин. Все молча смотрели на залитое кровью лицо ребёнка, но никто из них даже не пытался чем - ни будь помочь...

Даврон все ещё силился высвободиться, пока не понял; дело не в том, что его прижало. Повредило грудную клетку. «Может, и ребра сломаны, кто знает...— подумал он.— Лишь бы с Испандом все было в порядке».

Азиза с трудом вытащила из кабины сына. Потом через правую дверь выбрался Даврон. Он попытался

выпрямиться, но не смог. Из большого пальца руки текла кровь, видимо, порезался об стекло.

—Вы свидетель... Никуда не уезжайте, брат,— обратился он к водителю бензовоза, стоявшего неподалёку.

Словно старик, согнувшись в три погибели, он снизу вверх смотрел на парня. Ему трудно было даже поднять голову. Кое-как достал ручку и записал номер бензовоза.

—Прошу вас, отвезите мальчика в больницу.

Не в силах больше стоять на ногах, Даврон сел на обочину. От этого боли только усилились. Он встал, добрался до плоского валуна и прислонился к нему Громко плача и причитая, подошла Азиза.

—Ничего... Не беспокойся, все обошлось... Кажется, чуть-чуть поранил руку. Да и грудь прижало... Отвези Испанда в больницу. Не бойся, с ним ничего серьёзного, стекло порезало лицо,— успокаивал Даврон жену.

Азиза пыталась поднять сына, но не смогла.

—Испанджон... Испанджон... Посмотри на меня... Можешь сам встать? А? Пойдём вон к той машине.

—А папа?.. А папа?..— мальчик еле шевелил окровавленными губами.

—У папы все в порядке... Он подъедет позже. Ты- то как? Стоять можешь? Дойдешь до той машины?..

Азиза с большим трудом повела сына к бензовозу.

Девочки все ещё плакали в разбитом «Москвиче».

Подошла какая-то машина. Пассажиры, русские мужчины и женщина, поспешили к девочкам. Усадили их на багажник, достали аптечку, обработали раны и ссадины. Забинтовали раненую руку и Даврона.

—Стоит и смотрит, как баран,— с презрением покачала головой женщина, взглянув на рыжего толстяка.

Даврон пока ещё не знал имени виновника аварии и про себя назвал его «Гуладинг», что означает чурбан. Тот

отозвал своих спутников в сторону и начал что-то с ними обсуждать.

— Кто его знает? Он — местный? — опросил Даврон у стоящих вокруг людей.

— Нет, он ваш земляк, из Душанбе, уважаемый, — ответил один, по виду рабочий.

— Сейчас он в Душанбе живёт, а вообще-то здешний, — поправил его другой.

— Машину на отца, значит, оформил? — спросил третий, посмотрев на номер «Жигулей».

— Да. Он в прошлом году попал в аварию и разбил машину, потом приобрёл эту, а документы оформил на отца.

— Эти парни его родственники, что ли?

— Вроде они из Пенджикента. Он возит, подрабатывает. Гляди, парни-то расплачиваются, — сказал мужчина, отвернувшись.

Действительно, рыжий толстяк с деньгами в руках горячо спорил со своими спутниками.

Постепенно толпа зевак поредела, и осталось только несколько человек, видимо, знакомых рыжего.

— На том берегу есть чайхана... Пойдём, выпьем чайку. Когда ещё ГАИ пожалует, долго ждать придётся, — сказал толстяк, подходя к Даврону.

Даврон возмутился. Пьяный, что ли? Или у него сердце каменное? Полезет разве сейчас кусок в горло?! Сын там ранен.

— Я попросил водителя бензовоза, чтобы передал...

Быстро приедут. Ведь две машины стоят посреди дороги, — помедлив, ответил Даврон.

Толстяк ещё раз позвал Даврона в чайхану, но, услышав его твёрдый отказ, удалился.

Даврон засунул руку под рубашку и стал ощупывать свои ребра. Вроде все в порядке. Хотя боли в груди усиливались с каждой минутой...

Примерно через полчаса возле разбитого «Москвича» остановилась легковая машина. Из неё вышел подтянутый молодой мужчина и тепло и участливо поздоровался с Давроном, будто они были близкими родственниками.

— Как самочувствие уважаемый? Слава аллаху, все здоровы. Пусть эта машина будет искупительной жертвой за здоровье ваше и ваших домочадцев. Не огорчайтесь, все обошлось относительно хорошо. На этой дороге каждую неделю происходят страшные аварии. Вы, кажется, немного ушиблись? Вставайте, поедем к врачу.

— А машина?— невольно вырвалось у Даврона.

— Ребята проследят, не беспокойтесь. Никто ничего не тронет.

Даврон сначала удивился, где эти ребята? Вокруг не видно ни души. Но потом догадался, что поблизости наверняка есть селение, скорее всего за холмами.

Даврон позвал девочек и с ними сел в машину.

У больницы он с трудом вылез из машины, из последних сил постарался держаться прямо, но резкая боль в груди перехватила дыхание. Переступив порог, он снова согнулся.

Даврон попросил халат и только было направился в операционную, где делали перевязку Испанду, как его остановила медсестра.

— Я отец мальчика... врач...

— Сейчас вы больной,— строго сказала девушка.— Идёмте, я вас уложу.

Даврон попытался спорить, но в коридоре появилась Азиза и он понял, что это бесполезно.

— Как Испанд? Что сказали врачи?— Даврон осторожно опустился на койку в палате.

— Говорят — ничего страшного. Стеклом порезало лицо и подбородок. Швы накладывают. Когда сможете, зайдите, все-таки свой глаз. Не дай бог... А-как вы себя чувствуете?

— Возможно сотрясение...— сказал Даврон, продолжая думать о сыне.— Его не тошнило? — Азиза отрицательно покачала головой.

— Может, все и обойдётся,— подбодрил он жену.

Боль в груди нарастала с каждой минутой. Всякое движение было мучительным. Вроде ребра целы — но не выпрямиться, не повернуться, не подняться. Видно, сильно ушибся. Конечно, хирургия многого достигла, но, вот муки больного облегчает плоховато. К тому же утрачены секреты народных лекарей, а те за две недели лечили переломы. Нечего было устраивать это гонение на народную медицину.

К окну палаты подошёл мужчина, который привёз его в больницу. Даврон только теперь как следует разглядел его: подтянутый, высокий, с открытым, смуглым лицом.

— Не унывайте, уважаемый, все будет хорошо,— заулыбался он.— Заварить вам чайничек крепкого зелёного чая?

— Спасибо... Если нетрудно. Как вас зовут?— поинтересовался Даврон.

Вместо него ответил толстяк:

— Асадулло. А чай я уже заказал. Сейчас распоряжусь, чтобы принесли.

— Асадулло,— повторил Даврон.— Скорее прибыл бы инспектор ГАИ...

— Я сейчас позвоню,— рыжий бесцеремонно оттащил молодого человека от окна.

Вскоре Даврон услышал, как толстяк громко, на весь больничный двор, кричал по телефону:

— Эй, это кто?.. Кто говорит, спрашиваю?.. Назар мне нужен. Очень нужен, срочно позовите!.. Нету его? Ну ладно, а этот, как его... Гулом где? А кто есть из инспекторов? Говорите быстрее... А? Давай, давай его позови. Эй, друг, ради бога, приезжай поскорее! Очень важное дело. Мирбадал я... Не узнал? Да, да. Да тут недоразумение одно получилось. Если не приедешь плохо будет.

Поддерживая Испанда, в палату вошли доктор и медсестра, они бережно уложили мальчика на кровать.

Доктор подошёл к Даврону.

— Как самочувствие?

— Ничего, спасибо. Только грудь побаливает.

— Давайте посмотрим...

— Как вы думаете, у мальчика нет мозговой травмы? — не выдержал Даврон.

— Да вроде нет,— ответил доктор, внимательно осматривая Даврона.

— А глаза?

— Кровь попала... Пока вроде все идёт нормально.

— Сыворотку против столбняка ввели?

— Нет... У нас сыворотка старая. В Душанбе сделаете.

— Помогите нам поскорее отсюда уехать, прошу вас... остановите первую попутку и отправьте. Я не могу разогнуться, наверное, сильно ушибся.

— Мальчику необходимо полежать денька два. Поднимется — и поедете. Покой ему нужен, покой, сами понимаете. Да и вам отдохнуть не помешает. Сейчас вам сделают обезболивающий укол. Не волнуйтесь, все будет в порядке.

Даврона затрясло—последствие внезапного удара.

Прошло довольно времени, а инспектора ГАИ все не появлялись. Испанд уснул. Даврон, скрючившись, лежал на кровати с продавленной сеткой и тихо стонал.

Азиза с девочками сидела во дворе больницы. Маленькая Мехри хныкала и просилась к отцу. Наконец мать ей уступила.

— Ну как? — шёпотом спросила Азиза.

— Уснул,— с трудом выговорил Даврон и, не в силах сдержаться, застонал.

— Не дай бог, если и с вами что...— снова прошептала Азиза с отчаянием.

— Все в порядке, успокойся...

Мехри легонько гладила руки отца. Потом подошла к брату и погладила его. В глазах девочки блестели слезы.

День уже был на исходе, когда в палату вошёл Асадулло о двумя инспекторами ГАИ. Даврон ещё утром догадался, что Асадулло — общественный инспектор ГАИ в этом районе.

Сотрудники ГАИ представились:

— Кубодов.

— Джураев.

Кубодов не понравился Даврону. Глаза злые, как у змеи, и весь он вызывал неприязнь своим высокомерием. Вот второй—совсем другое дело. Держался просто, смотрел доброжелательно, хотя, кто знает, какой он, нередко первое впечатление обманчиво. Зачастую сдержанных людей принимают за сердитых и надменных.

— Быстрее пошевеливайтесь, надо закончить дело дотемна,— сухо сказал Кубодов, даже не поинтересовавшись здоровьем Даврона. В его речи преобладали шипящие звуки, и Даврон сразу понял, что не таджик, хотя языком владел свободно.

Они вышли из палаты.

На месте аварии Кубодов и Джураев начали измерять и фотографировать,

— Ширина асфальта шесть метров. От левого колеса «Москвича» к левому краю дороги—2 метра 80 см,— объявлял Кубодов.

Джураев записывал.

— Обратите внимание, от удара мою машину отбросило налево. Вот следы тормозного пути моей машины,— вмешался Даврон.

Согнувшись в три погибели, он еле стоял на ногах.

— Все это, конечно, мы учтём... Потом отдельно отметим. Ясно, что и вы ехали близко к центру дороги,— ответил Кубодов, отводя глаза и ещё сильнее шепелявя.

— Зачем откладывать. Потом все следы сотрутся,— настаивал Даврон.

— Следы все равно будут проходить близко к центру, как ни замеривай. Сейчас зафиксируем реальное положение...

— Следы никак не могут проходить близко к центру. Даже если вам этого очень хочется. Измеряйте честно, без натяжек, чтобы потом между нами не было никаких споров и осложнений,— перебил его Даврон.

— Все учтём... Только не волнуйтесь,— пытался успокоить его Кубодов.

Даврон в душе подсадовал, что не разбирается в тонкостях работы ГАИ. Хорошо зная правила дорожного движения, он не имел понятия о том, как фиксируют дорожные происшествия. Поэтому, поначалу пытался обратить внимание инспекторов на отдельные детали, а потом махнул рукой. Зачем? Это бессмысленно. Это все равно, что больной начнёт ему советовать, как делать операцию. Хорошо хоть, все живы остались...

— Я могу уйти? — спросил он у Кубодова.

— Конечно, идите. Своими глазами все увидели, теперь можете быть спокойны. Все сфотографировали? — уточнил

Даврон, зная, что, в крайнем случае, виновного можно выявить по снимкам.

—Сфотографировали и будем ещё фотографировать,— ответил инспектор.

—Надеюсь на вашу точность,— подчёркнуто серьёзно сказал Даврон и на машине возвратился в больницу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дежурный врач Халим, несмотря на молодость, показался Даврону толковым и внимательным. Он искренне старался сделать для больного все, от него зависящее. Открытое лицо, добрый взгляд карих глаз располагали и внушали доверие.

Вечером во двор больницы пригнали машину Даврона. Капот был до того помят, что Даврону стало не по себе, он не на шутку расстроился.

—Заберите ценные вещи и отнесите в сторожку,— посоветовал врач.— Чем черт не шутит, когда бог спит.

Азиза подошла к машине, с трудом открыла багажник и стала переносить сумки.

Узнав, что Даврон хирург, Халим почти не отходил от него. Он то жаловался на плохие условия кишлачной больницы, то на нехватку инструментов и медикаментов, то на равнодушие начальства. Даврон не удивлялся. Не один год он ездил в районные больницы консультировать, насмотрелся на безобразия и беспорядки.

Вечером Халим пригласил Даврона на чай в сторожку. Даврон долго отказывался, но врач все же уговорил его, советуя хоть немного расслабиться и отвлечься от грустных мыслей. Старый сторож протянул Даврону пиалку горячего чая и осторожно заметил:

—Надо было вам, домулло*, встретиться с этим рыжим Обидовым. Подлый он человек.

Даврон насторожился. Вот, оказывается, какая слава в этих местах у рыжего! Хотя чего волноваться? Теперь с ним будет разбираться ГАИ.

— Обидов места себе не находит. Вертится так, будто ему в штаны блоха попала,— продолжал сторож — Сейчас в район подался. Кажется, с инспектором никак не договорится.

—Представляете, явился ко мне и требует: отправь их домой, пусть уезжают,— вмешался в разговор Халим.— Я просто опешил.— Он задумался и добавил:— Если мальчик пролежит в больнице больше недели, виновника привлекут к суду. Он об этом прекрасно знает, тем более, что на его счёту немало аварий. Вот отправился в район, наверное, к мужу сестры. Тот работает шофёром у какого-то начальства. Да и у самого Обидова большие связи.

-- А-а... Вот почему он оставил жену с пятью детьми, женился на другой, и ему все сошло...— возмущился сторож.

Наступило тягостное молчание.

Вскоре врача срочно вызвали к роженице в какой-то дальний кишлак, и они вместе с медсестрой уехали.

Даврон вернулся в палату и лёг. Прошло часа полтора. Только Даврон задремал, как у ворот загудела машина. Фары осветили двор и окно палаты. Даврон поднялся и увидел, что сторож открывает ворота. Машина въехала во двор и остановилась возле «Москвича» Даврона. Из неё вышел Обидов и какой-то мужчина.

—Это его машина?— спросил он начальственным тоном.

— Да, уважаемый, его,— подобострастно закивал Обидов.

---

* Д о м у л л о – вежливое обращение к людям, известным, своей учёностью

Их разговор был отчётливо слышен в приоткрытые окна.

— Прикатил с Шокосимом, главврачом района... — доверительно прошептал один из больных.

— Мальчика посмотрите? — снова послышался во дворе голос Обидова.

— Вернётся врач, тогда... До его прихода чайку попьём, — ответил главврач и крикнул: — Эй, старик?..

Они вошли в сторожку. Теперь их разговора не было слышно.

Даврон снова прилёт, глаза стали слипаться. В палате послышались громкие голоса. Спросонья Даврон не мог понять, что происходит. Наконец он узнал голос главврача Шокосима. Тот распекал растерянного Халима. Они вместе подошли к кровати Испанда. Врач осторожно разбудил спящего мальчика. Увидев его забинтованное лицо, Шокосим, казалось, пришёл в бешенство.

— Какая необходимость в повязках? Что это? — он бесцеремонно дёрнул концы бинта.

Испуганный плач Испанда и душераздирающий крик Даврона слились воедино.

— Не смей его трогать, изверг!

Даврон не помнил, как он оказался возле сына и с силой оттолкнул Шокосима.

— Кто впустил этого пьяницу в больницу?.. Что за безобразие? Сейчас... сию минуту позвоню домой министру... Что это такое, кого поставили у власти?!

В свою очередь и Шокосим закричал на Даврона, начался скандал. Врач Халим не вмешивался, он молча перебинтовывал рыдающего Испанда.

* * *

Утром Даврона навестил Кубодов и долго извинялся за то, что вчера не успел составить подробный отчёт об

аварии. Даврон пожал плечами, однако покорно пошёл за Кубодовым в отдалённый уголок больничного сада, где стоял длинный стол с двумя рядами скамеек. Они сели и занялись отчётом.

Даврон изложил на бумаге все, как было. Инспектор тоже исписал несколько страниц, составил чертёж столкновения автомобилей и попросил Даврона расписаться.

Посмотрев на рисунок, Даврон удивлённо уставился на Кубодова.

— Ведь он налетел на меня, вы же здесь нарисовали совершенно иную картину. Не понимаю, для чего это?

— Что «для чего»? Что вас смущает? В горячке вы забыли, как было дело. А было так, как показано на чертеже, — невозмутимо ответил Кубодов.

От гнева у Даврона перехватило дыхание.

— Но ведь... машина Обидова прошла справа, ударила мою машину и разбила правую фару. Или вы и это отрицаете?

— Да, да... — слишком поспешно согласился инспектор, оценив состояние Даврона, и слегка поправил чертёж. — Вот так правильно?

— Расстояние и месторасположение машин тоже показаны неверно. Мою машину на целых пятьдесят сантиметров вы вывели на середину дороги! Ограничились бы двадцатью пятью, и я бы не догадался, — Даврон ещё пытался шутить, хотя внутри у него все кипело. Скорее бы отделаться от этого наглеца!

— Э-э... Ошибка вышла, извините... — продолжал прикидываться протачком Кубодов. — Видите, я изменил цифры. Теперь все это зафиксировано, я ещё раз сверюсь с записями, исправлю. Вот так.

Даврон вдруг понял, что вся эта документация — просто липа. Все это фиксирование, фотографирование,

замеры, показания свидетелей только для отвода глаз. А потом оформят протокол, как им удобно.

— Конечно, Обидов виноват, но вы тоже допустили ошибку... — наигранно вздохнул Кубодов.

— Вы тоже допустили ошибку, приписывая мне несуществующую вину. Ведь есть свидетели... А последствия подтасовок фактов, как правило, бывают печальные...

Инспектор промолчал.

Потрясенный этим разговором, Даврон задумчиво разглядывал Кубодова. Откуда только берутся такие?

В чем корень этой наглости, этого пренебрежения к закону? Неужели закон не для каждого? Неужели и вправду закон не писан для работников торговли или министерского шофёра?! Поразительно!

— Виноваты обе стороны, — снова заговорил Кубодов. — Если бы вы держались правой стороны, ничего бы не случилось. А вы сначала ехали посередине, и Обидов был вынужден свернуть вправо. Верно? И Обидов дал такие показания, и свидетели. Вот и он сам...

Рыжий Обидов действительно шёл к ним.

Даврон молчал. Что тут скажешь? Ещё одна новость... Ведь передняя часть его машины накренилась влево от сильного удара. Почему же никто не учитывает следы колёс?.. Тормозной путь чёткий... Но следы быстро сотрутся, потом поди докажи. Тем, более после нашего отъезда. Что бы я делал, если бы этот рыжий работал завбазой, директором универсама или просто был родственником министра... Простого завмага так выгораживают!

— Что случилось, то случилось, было и прошло, — вступил в разговор Обидов. — Не нарочно ведь. Радуйтесь, что все живы. А если бы случилось несчастье? На этой дороге оно часто бывает. Инспектор вон, знает.

— Неделю назад машина угодила прямо в реку, погибла целая семья, и до сих пор найти не могут,— поддержал Кубодов.— Ежегодно в стране количество жертв автомобильных аварий равно численности населения целого города! Нам с вами, домулло, наверняка придётся ещё видаться, встречаться, а может, и помогать друг другу, не так ли? Зачем же упрямиться, стараться непременно отомстить? Мы его накажем, никуда он не денется. И машину вашу отремонтирует.

— Месть — не наказание,— через силу улыбнулся Даврон.— По-моему, наказанием стараются воспитать человека. Лишение, прав плохого водителя — это, если хотите, необходимость для сохранения жизни не только ему, но и многим людям...

— Три сотни и ваш «Москвич» будет как новенький,— перебил его Обидов.— Вы, домулло, человек серьёзный, нам с вами не к лицу критиковать закон. От этого ещё никто ничего не выиграл. Вы знаете: в наших краях дорожные происшествия нередки — и как поступают умные люди? Договариваются и расходятся. А не таскаются по ГАИ-МОИ. Вот мой племянник — водитель такси. Так он постоянно держит в кармане пять сотен... Что-нибудь случится — на! и едет себе дальше. Эти деньги он зарабатывает за пару дней. А если он начнёт действовать по закону, то из-за какой-нибудь ерунды потеряет пару месяцев. Вот и прикиньте, какая ему польза от закона? Тут и дураку ясно...— Обидов взглянул с улыбкой на Даврона.— Подумайте сами, ну что у вас случилось? Да все это мигом можно исправить, лучше нового будет. В конце концов, люди должны помогать друг другу. Если вам что нужно, прошу ко мне в магазин...

— Ну... чего вы от меня хотите, скажите прямо,— решил уточнить Даврон, хотя уже понял, куда клонит рыжий, и вопросительно посмотрел на инспектора.— Ведь

иск предъявляю не я, а ГАИ! Разве не так, товарищ Кубодов?

— Конечно, мы обязательно накажем виновного, — закивал инспектор, — но вам предлагают возместить убытки и разойтись по-хорошему. Не вижу тут ничего плохого. Вот вы торопитесь уехать, а нет никакой возможности вас отпустить. В субботу и воскресенье у нас все закрыто. Но и для вас надо же найти какой-то выход...

Обидов теперь помалкивал, видимо, крепко надеялся на поднаторевшего в таких уговорах инспектора. Он нисколько не сомневался, что друзья все равно вытащат его из этой беды. Тем более, что потерпевшие из тех, которых легко обвести. На этих учёных простаков — «сипахи» он посмотрелся в магазине: протянет пятёрку — смело давай ему сдачу с трёшки, ничего не заметит. Однажды такой «сипахи» попросил довести его до города, сел в машину, даже не поинтересовался ценой. А потом оторопел: «Сорок рублей. Это несправедливо...» Пришлось утешить: «Учитель, такая поездка — сорок рублей и не меньше». Сразу сдался. А мог бы поторговаться и доехать за двадцать или в кабине грузовика за трояк...

— Да, я тороплюсь... — сказал Даврон после долгого раздумья. — Мальчика надо везти в больницу.

— Триста рублей — немалые деньги, домулло, — заметил инспектор. — Вот посчитайте сами...

Он начал перечислять отдельные части и узлы машины, нуждающиеся в ремонте, оценивая предстоящие затраты примерно в половину и заверяя, что такой ремонт — пустячное дело, и в конце концов до того заморочил Даврону голову, что тот готов был согласиться на все, только бы скорее уехать.

И все же одна мысль не давала Даврону покоя. Что у них на уме? Неужели не побоятся оправдать виновника на виду у всего народа?..

— Решайте, домулло...— заговорил Обидов.— Сейчас при мне нет денег. Отдам их в Душанбе. Сам привезу их вам домой. За три сотни ваша машина будет как новенькая.

Даврон понимал, как ему сейчас необходим дельный совет опытного человека, но здесь нет такого. Разве тот молодой сельский инспектор?.. Нет, он, конечно, воздержится от советов. Ему ведь здесь жить и работать...

— Дайте расписку,— сказал, наконец, Даврон.— Пишите, что виноваты и что оплатите все расходы... А остальное на вашей совести.

— Хорошо, уважаемый, вмиг напишу,— оживился Обидов.— Но и вы напишете.

— Я? А что именно? Что вы ударили мою машину. нарушили правила, ехали на большой скорости?

— Да нет... Всякое может быть, учитель. Я верю вашему честному слову, но, бывает, возьмут деньги, а потом скажут — мало, не хватило на ремонт. Или ещё хуже — начнут таскать по судам.

— Э, да пропади пропадом эти деньги...

— Вот и черкните два слова, что у вас нет ко мне претензий... Ну, для верности... для успокоения души, что ли.

— Но я ещё ничего не получил! Станный вы все-таки человек... Имея мою расписку, можно ведь ничего и не платить.

— Да это он так, для спокойствия...— примирительно сказал Кубодов.— Напишите, что после того, как он даст деньги на ремонт машины и получит от вас расписку, у вас не будет никаких претензий.

И Даврон написал расписку. Будь, что будет, подумал он, надо уехать сейчас же, сегодня же попасть в Душанбе и отвезти Испанда в больницу. Сыну необходима срочная консультация опытного окулиста, тут нельзя медлить, иначе может плохо кончиться.

При мысли, что здоровье Испанда под угрозой, все остальное ему показалось ничтожным.

— Запомните, я тут ни при чем. Ваши дела меня не касаются. О вашей сделке я ничего не знаю. Обменивайтесь расписками без меня,— сказал Кубодов и ушёл в глубь больничного сада.

Даврону было ясно, что инспектор покрывает рыжего. И если очень постарается, частично сгладит его вину. Полностью оправдать его, конечно, ему не удастся. Побойтесь. Есть свидетели, они видели, что правила нарушил Ибодов.

— Сегодня у нас уже закрыто. Подождите до завтра, оформим документы, и уедете,— сказал Кубодов после того, как было покончено с расписками.

Утром один из больных сообщил Даврону, что вчера Обидов был подвыпившим. Буфетчик из-под Анзобского перевала сказал ему, что Обидов уехал, выпив перед дорогой стакан водки.

— Вы его защищаете, а он, оказывается, сел вчера за руль пьяным, — упрекнул Даврон громко чавкающего за соседним столом инспектора.— Это же преступление! Вы ставите под угрозу жизнь безвинных людей!

— А у вас в багажнике видели бутылку водки... Да, домулло, на вещи можно смотреть по-разному,— нагло сказал Кубодов.— Уезжайте лучше по-доброму..

В первую минуту Даврон растерялся. Он побледнел и молча смотрел на ухмыляющегося инспектора.

«Вот подлец», — пронеслось в голове.

— Вас и человеком-то нельзя назвать... Мне неприятно, что приходится иметь дело с вами!— с презрением сказал он.

— Ничего, домулло... Вы себя сейчас чувствуете неважно и потому сердитесь,— невозмутимо ответил Кубодов.— Дня через четыре приезжайте к нам, хорошо?

Даврон молча повернулся и ушёл.

Едва Кубодов уехал, Даврон собрал вещи и вышел на дорогу ловить попутную машину. Вскоре ему удалось договориться с шофёром «Волги». Он усадил Азизу и детей и наказал, чтобы в Душанбе, не заезжая домой, она сразу отвезла Испанда в больницу.

После того, как «Волга» скрылась из виду, Даврон с облегчением вздохнул. Он только теперь понял, что его крайнее нервное напряжение было связано с Испандом. После отъезда сына все стало проще. Теперь нужно было отправить разбитый «Москвич». Попутный грузовик тоже нашёлся быстро. Водитель подогнал его к «Москвичу» и с помощью окружающих разбитую машину по доскам подняли в кузов. Даврон устроился в кабине.

Проводить Даврона пришли инспектор Асадулло и Халим.

— Я с удовольствием рекомендовал бы вас на работу в нашу клинику, но вы очень нужны здесь, — улыбнулся Даврон. — Если я чем-нибудь могу быть полезен — сразу дайте знать. Может, вам нужны какие-нибудь книги?..

— Спасибо! У меня целый список... Как-нибудь в городе я зайду к вам, — приложив руку к сердцу, сказал Халим.

— Если с вами обойдутся несправедливо, требуйте, чтобы опросили жителей кишлака. И Джураев на вашей стороне, они с Кубодовым из-за этого дела поссорились, — сказал Асадулло на прощание.

Грузовик тронулся, понеслись навстречу дома посёлка. Их становилось все меньше и наконец промелькнул последний дом. Даврон все ещё думал о враче Халиме, от души хотелось сделать что-нибудь приятное этому доброжелательному, заботливому человеку. Как он торопился отправить Испанда к специалисту... А ведь немало возомнивших себя универсальными врачами. Сколько же вреда приносит такое самомнение! Взять, к примеру,

недавний случай. К ним в больницу с острым аппендицитом попал видный государственный деятель. Старый профессор Хаким решил сам прооперировать его. Но больной, не церемонясь, сказал: «Домулло может быть, вы препоручите меня тому из ваших учеников, который делает такие операции каждый день?» Профессор понял его правильно и охотно согласился, и операция прошла блестяще. Зачастую начальство оперируют только профессора. И что толку? Бывает, у знаменитого учёного от старости уже и руки дрожат. Годы есть годы, он уже не хирург, хотя и отличный наставник...

Голос водителя отвлѣк Даврона от размышлений.

— Домулло, честно скажу: ненавижу любителей лёгкой наживы,— начал жизнерадостный парень.— Так и передавил бы машиной этих прохвостов, да простит меня аллах. Не зря говорится, что человеку вреден достаток...— и парень принялся рассказывать какую-то поучительную житейскую историю.

Даврон изредка кивал и улыбался, но ничего не слышал, думая о своём. Шаг за шагом он восстанавливал в памяти прошедшие сутки, пытаясь понять причину несчастья. «Случайность? Нет. Если бы это была случайность, то он смирился бы. А он страдает. Недаром же говорят, что человек от бедности так не мучается, как от несправедливости. Асадулло говорил, что два года назад Обидов совершил наезд, разбил свою машину. Если бы тогда его наказали, то сейчас не сидел бы он за рулѣм. И не случилось бы очередного несчастья. А он продолжает. Резина на его машине лысая, но ему все нипочѣм. Выпьет — никто ему не указ. Дорожная инспекция у него в кармане. Но ведь пьяный шофѣр - лихач— это убийца. Кто даст гарантию, что в следующий раз Обидов не наедет на сестру или дочь инспектора ГАИ Кубодова?..»

—Э-э, домулло, я вам скажу, что вообще-то сами шофёры во многом виноваты,— снова дошёл до Даврона голос водителя.— Я работал на грузовом такси. Мы со сменщиком возили фрукты и всякую мелочь в Караганду и Новосибирск. Заранее договаривались с покупателем, где, когда встретимся на базаре в Новосибирске. Брали с собой два ящика водки, килограмм десять копчёной колбасы, три-четыре десятка банок консервов. Ехали днём и ночью: трое суток — и в Новосибирске. Гаишник остановит, достанешь бутылку водки, консервы — и привет.

—А если ничего не давать? — осторожно поинтересовался Даврон.

—Не выйдет! Не дашь — задержит и начнёт мозги морочить.

—Какое он имеет право, если водитель ни в чем не виноват?

—Не виноват? — парень от души рассмеялся,— обязательно чего-нибудь найдёт. Не найдёт, так прикажет разгрузить машину, посмотрит, что в кузове, или ему машина грязная, номера не видно, фары не отрегулированы— мало ли к чему придерётся? У нас в Ленинабаде ещё лучше. Останавливают у моста, а на капоте их машины лежит шапка. Нет у тебя левого груза, спокойно клади в шапку трёшку, а если груз чуть-чуть сомнительный, то больше...

—Неужели? Среди бела дня?

Конечно! Бессовестных людей хватает. Один гаишник не давал лихачам жить, и они не знали, как от него избавиться. Наконец какой-то подлец сбил его ночью и скрылся. Так инспектор остался калеккой. А в Душанбе, говорят, есть один усатый — гроза шофёров. Знакомый водитель рассказывал: однажды тот остановил его и вроде ни за что хотел проколоть талон. «Эй, ака*, помилуйте, есть

---

* А к а – старший брат

у вас совесть,— стал умолять шофёр.

—Была бы у меня совесть, разве я работал бы в милиции?!— ответил усатый!» — шофёр снова от души рассмеялся.

—Да, во всем мы сами виноваты,— вздохнул Даврон, все ещё думая об инспекторе, которого сделали калеккой.— Закрываем глаза сначала на недостатки, потом на преступления, боимся себя расстроить. Лень и корысть разъедает нас, как ржавчина.

Они долгое время ехали молча, погруженные в свои мысли.

—Что лучше — сено возить или на грузовом такси работать?— неожиданно опросил Даврон.

—Конечно, сено возить не сахар,— улыбнулся шофёр.— Посмотрите на эту разбитую дорогу... Но в последнее время мне надоело такси, хотя хорошо зарабатывал. После каждого рейса оставалась тысяча. На двоих хватало. Но, честно говоря, гаишники допекли. На каждом перекрёстке стоят, и каждому вынь да положи, просто спасу нет. Не могу больше видеть эти рожи. А с сеном ни один не остановит, тут взять нечего.

—Но ведь перевозить сено невыгодно. Как же вы теперь живете?

—Правильно, от сена какой доход? Ну, останется после рейса пять-шесть прессов, продашь по десятке, выручишь пятьдесят-шестьдесят рублей. А на этой дороге один раз шашлык попробуешь — и нет десятки. Туда и обратно — три дня, вот и считайте. Конечно, на одну зарплату не проживёшь — крутиться приходится. Кто ищет, тот найдёт... К примеру, прошлой осенью, когда скот подешевел, я купил на рынке двух телят по сто шестьдесят. Вчера у соседа была свадьба. Одного продал за полторы тысячи ему, а другой здоровее первого. Через два месяца

возьму за него тысячу восемьсот, а то и две. Есть ещё и барашки...

Парень увлечённо раскрывал тайны своей семейной бухгалтерии. Даврон с удивлением поглядывал на него. Работающий человек и должен уметь крутиться, чтобы обеспечить семью. А интеллигенты, бывает, посмеиваются над такими, мол, лишь бы заработать и никаких идеалов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вечером, едва передвигая ноги от усталости, Даврон вошёл в свой дом.

— Вы что, совсем голову потеряли? Хоть бы меня пожалели! — обрушилась на него Азиза.

— Что случилось? — опешил Даврон.

От мысли, что произошла ещё какая-то беда, у него перехватило дыхание.

— Зачем вы привезли среди бела дня разбитую машину во двор? Чтоб увидели ее и друзья и недруги?! — продолжала негодовать жена. — Неужели нельзя было оставить ее в другом месте или привезти ночью?

— Перестань! — вскипел Даврон. — Стоит ли из-за этого поднимать такой шум! До того ли нам сейчас?

Обычно он был снисходителен к капризам жены и не сердился на неё. Молча переживал, пока гнев ее пройдёт, после терпеливо и ласково объяснял, что нет причин так расстраиваться. Азиза быстро успокаивалась. Но на этот раз он не сдержался.

— Иду из больницы, смотрю, все соседи собрались около машины. Вы что, не могли в гараж ее завести? — не унималась Азиза.

— Ключи у тебя в сумке, как я мог открыть гараж? И потом, я сразу побежал в больницу. Хватит об этом! Тебе

что, машина дороже здоровья ребёнка? Раскричалась из-за пустяка, нервы треплешь. Пусть видят разбитую машину, может, призадумаются. А если кто позлорадствует, тот не сосед мне. Наши отцы и деды всегда говорили: «Что бы ни случилось, благодари судьбу, не ропщи». Ты тоже скажи спасибо, что все живы остались.

— Я уже сто раз благодарила, деньги приготовила для нищих, — начала затихать Азиза.

— Женщина, собирающаяся отблагодарить судьбу и тут же поднимающая шум из-за пустяка, все равно остаётся неблагодарной, — резко сказал Даврон и ушёл переодеваться.

Азиза взялась наводить порядок в квартире. Даврон заметил, что слово «шукр»⁴ умиротворяюще действует на жену, и в трудные минуты умело пользовался им. Видимо, это объясняется тем, что родители приучали детей быть благодарными за все, что им дано. Так отец Азизы, например, даже весть о гибели сына принял как должное и не роптал. Эта привычная для мусульман философия успокаивает человека, учит довольствоваться малым. Если кого постигнет неудача, — значит, был неблагодарен. Не каждый понимает, сколько мудрости скрыто в этом понятии.

— К Испанду заходили? Как он там? — спросила Азиза, накрывая стол свежей скатертью.

— Ничего. Слегка ударился головой. Сафар говорит, что немного повреждена сетчатка.

— Ох, горе мне! — всхлипнула Азиза. — Что теперь будет с его глазами? А? Рыжая сволочь! Чтоб водка, которую ты пил, стала для тебя ядом и свела в могилу, чтоб ты сдох, как слепой пёс!

— Не надо, не надо, а то ещё придётся его оперировать да поводыря искать, — пошутил Даврон, а потом уже

---

4 Шукр — благодарение богу, судьбе.

серьёзно добавил: — Успокойся, с Испандом ничего страшного, недельку-другую полежит в больнице и будет здоров.

«Сколько раз в детстве я и мои сверстники падали с деревьев, с крыш, разбивались до крови, и обходились без врачей,— подумал он,— а сейчас молодёжь стала хрупкой, как стекло. То ли это от неподвижного образа жизни, то ли от безразличия ко всему. А ведь сколько интересного кругом, сколько неразгаданных загадок!»

Прошли две недели, и Даврон собрался поехать на злополучное место аварии, но через какого-то всезнающего родственника Азиза узнала, что документы вышлют в Душанбе, а Даврона вызовут на комиссию.

Вскоре после возвращения домой к ним явился виновник аварии Обидов и принёс двести рублей за причинённый материальный ущерб, пообещав остальное занести потом. Честно говоря, Даврон не удивился, другого и ждать не приходилось от проходимца Обидова. И не деньги сейчас волновали Даврона.

Прошло пятнадцать дней, Испанд уже выписался из больницы, а вызова на комиссию все не было.

Даврон засомневался, правильно ли он поступил, согласившись на возмещение материального ущерба виновником с глазу на глаз? Может быть, и это имеет отношение к задержке документов? Друзья, с которыми он советовался, отвечали одинаково: «Если получите хотя бы половину, и то хорошо. Благодарите аллаха, что сами остались живы. Хоть, правда и на вашей стороне, но доказать трудно. Виновник — торгаш, а у них свои законы».

Даврон возражал: «Закон есть закон. Если требовать по всей строгости, они будут вынуждены его соблюдать. Я, конечно, не из тех, кто настойчивостью добивается своего, но все-таки живём-то мы в государстве».

Несколько раз он наведывался в управление ГАИ, спрашивал о документах. Ему отвечали: «Ещё не выслали».

Позднее, когда убедился, что Обидов сумел закрыть это дело, Даврон вернул ему деньги и выгнал рыжего мошенника за дверь.

— Теперь будем разговаривать только по закону, он будет нам судьёй,— твёрдо сказал Даврон.

Есть пословица: «Знал бы где упадёшь, соломки бы постелил». Неумело взявшись за дело, Даврон все больше и больше запутывался в нем. Он даже перестал волноваться:

— Наверно, иммунитет выработался,— шутил он,— теперь даже если ГАИ объявит меня виновником аварии, я не удивлюсь.

Наверное, одной из серьёзных причин такого его состояния было ухудшение здоровья. Недуг исподволь подтачивал его, но он не обращал внимания, считая, что организм сам должен справиться.

Наконец, спустя месяц, дежурный ГАИ на его вопрос по телефону ответил, что документы прибыли.

В тот же день, после работы, он направился в управление. Вестибюль был забит людьми, и Даврон с трудом пробрался к окошку дежурного. Голос дежурного был плохо слышен среди общего шума и поэтому приходилось переспрашивать.

— Оба... Вы... и., ии.. Одилов...

— Не Одилов, а Обидов,— поправил Даврон дежурного, засунув голову в окошко.

— Да, Обидов... Вы оба лишены права вождения автомобиля на шесть месяцев,— объявил дежурный, перелистывая тетрадь с записями.

— Как? Ведь...

— Документы поздно выслали. Нужно было решать в течение месяца. Поэтому вас и не вызвали на комиссию.

Ничем не можем помочь,— равнодушно проговорил дежурный.

Даврон прислонился к стене и стоял в оцепенении. Конечно, он все время ждал какой-нибудь подлости, но не думал, что его вот так ловко обведут вокруг пальца. Он даже не мог сообразить, что теперь делать. Он надеялся на справедливость закона, а этот закон обошли, и глазом не моргнув.

Шагая по узкому коридору управления, он решил немедленно найти начальника и выложить все начистоту. Уж тот-то непременно разберётся и накажет виновных. В конце концов нарушение закона — преступление! Вот пусть и спросит в первую очередь с этого ловкача Кубодова...

С этими мыслями он поднялся на второй этаж в приёмную и направился прямо к двери кабинета начальника. Пухленькая, размалёванная секретарша преградила ему дорогу:

— Приёмный день — пятница.

— У меня срочное дело. В пятницу будет поздно,— поглядывая на приоткрытую дверь, как можно вежливее сказал Даврон.

— Вы ж не ребёнок! Повторяю: приёмный день — пятница!— рассердилась девушка и захлопнула дверь начальника.

Даврон молча вышел из приёмной. В голове гудело, грудь распирало, в душе кипела злость. Обошлись бы вот так с этой девчонкой в больнице! Наверняка скандал подняла бы. А то как же, ведь врачи и учителя должны быть внимательными и отзывчивыми, это их профессиональная обязанность. А в других учреждениях грубите на здоровье, пожалуйте. Девчонка, недавно окончившая школу, ей приказали — она выполняет и уже твёрдо уверена, что здесь за грубость ее не накажут. Да и велика ли важность — грубость! Вон инспектор ГАИ подделывает документы,

искажает факты, и то ему все сходит с рук. Сколько верных решений принимают партия и правительство, но пока они дойдут до совести и сознания каждого!..

Недавно в газете написали, что знаменитому хирургу Сеппо до сих пор не дают возможности развить свой метод. А Сеппо ещё в 1963 году в Таллинне впервые сделал блестящую операцию по сращиванию костей, сейчас со всего Союза к нему едут больные так же, как в Курган к Илизарову. Ну что бы взять и открыть дорогу к этим волшебникам, так нет, зажимают, опасаются обнаружить собственную бездарность. Пока Илизаров лечил больных в самых трудных условиях бюрократ, который мешал внедрению его уникального метода, стал академиком.

В любой области находятся карьеристы и негодяи, доводящие честных людей до инфаркта. Хулигана, распустившего руки, судят, а этих подлецов, наносящих вред тысячам и тысячам, не только не наказывают, но даже повышают в должности.

Даврон заметил, что прохожие обращают на него внимание.

«Кажется, я разговариваю вслух сам с собой!» — опомнился он. Зайдя в ближайшую аптеку Даврон купил успокаивающие таблетки, немного посидел и медленно пошёл домой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В воскресенье произошло радостное событие: Испанд по лотерейному билету выиграл будильник. Невелик выигрыш, всего пять рублей, но радость в доме была огромная.

—Испанд, что бы ты сделал, если бы выиграл сто рублей? — спросил Даврон у ликующего сына.

—Сто рублей?.. Купил бы велосипед..— не раздумывая, ответил он.— Если добавить двадцать — можно купить «Скиф»...

—Сколько раз он, бедняжка, говорит вам о велосипеде,— с досадой заметила Азиза.

—Сто двадцать рублей!.. Я за эти деньги целый месяц работаю,— задумчиво сказал Даврон, глядя на сына.— Да ремонт машины впереди. Сам подумай, Испанд, мне надо целый месяц работать только на один твой велосипед или на сапоги твоей маме. «Если нет прибыли, то расходуя осторожно»,— говорит Саади.

—Ведь подарил вам отец эту старенькую машину, и ему хочется велосипед,— продолжала Азиза.

—У всех ребят есть,— печально проговорил Испанд не глядя на отца.

—Я подарю своим детям три шкафа книг,— попытался отшутиться Даврон.— Три шкафа! Целое состояние!

—У самого даже письменного стола нет, а детям хочет подарить три шкафа книг! — съязвила Азиза.

—У одного моего сослуживца есть новая машина. Он так над ней трясётся: один раз проедет — десять раз протирает. У него шкаф забит прекрасными книгами, которые он никогда не раскрывал. А рядом стоит роскошный письменный стол, за которым он ни разу не сидел. У него все для показухи, и сам он раб своих вещей. Посмотри на мои книги, сразу видно, что они на меня работают!— он указал на приоткрытую дверь в другую комнату, где на полу лежали книги с закладками, тетради, линейка и какие-то таблицы, и перевёл взгляд на жену.

Неужели печальный пример Холдоны не пошёл ей на пользу? Азиза всегда считала, что жизнь подруги завидная: полон дом дорогих вещей, сама вся в золоте. Сейчас Холдона сидит в тюрьме за взятки. Порядочные люди считают позором для себя общение с ее семьёй.

— Я думал, ты скажешь: купи книги,— снова обратился он к сыну и взял томик с тумбочки под телевизором.— Смотри: «Что посеешь, то и пожнёшь. Какое слово скажешь, такое и услышишь». Чьи это строки?

— По-моему, Саади,— неуверенно ответил Испанд.

— Нет, это из «Шахнаме». Строки Фирдоуси легко отличить от строк других поэтов. Не зря говорят: «Читая «Шахнаме», даже женщина становится рыцарем».

— Скучно это читать, папа, не то что приключения Шерлока Холмса...

— Нет, не скучно. Конечно, если книгу читаешь, а не проглядываешь. Говорят: «Хочешь нарвать тюльпанов, подымись в горы», или «Когда странник приближается к дому, он ускоряет шаги»...

— Или — камень, падающий с высоты, летит все быстрее... — улыбнулся Испанд.

— Верно. Это правило знает каждый школьник. Но важно самому почувствовать, что такое высота. Когда-то я прыгал с парашютом. Поначалу показалось, что земля исчезла, и я лечу в бездну. Ни камня, ни куста, чтобы зацепиться. Голова закружилась. Потом вдруг ударился ногами обо что-то твёрдое и потерял сознание. Очнулся и обрадовался: почувствовал землю, ее тепло, ее надёжность.

— Сила притяжения...

— Правильно. Вот эту силу притяжения и я почувствовал, понял, как привязан к земле. Ты прочёл книгу, которую я тебе дал?

— Не было времени. Только успел уроки сделать, нам много задают... — начал оправдываться Испанд.

— Да ещё за мясом стоял, я заняла очередь, а сама пошла на работу,— поддержала сына Азиза.

— Зачем это? — пожал плечами Даврон.

— Как зачем? А что есть будем? — ответила Азиза, пришивая пуговицу к платью дочери.

— Можно и без мяса прожить. Индусы вообще его не едят.

— Поддержать хотя бы пару дней на вегетарианском вы первый устроите скандал.

— А знаешь, сколько блюд можно приготовить из муки? Нет? Раньше женщины нашего кишлака десятки блюд стряпали. А сейчас и они, подражая городским, готовят из полуфабрикатов. В годы моего детства с мясом было ещё труднее. Моя мама из муки...

— Если бы мы, как ваша мама, сидели дома и не работали, — перебила мужа Азиза, — тоже готовили бы разные кушанья. Только на какие деньги все покупать.

Даврон промолчал. Он считал себя правым, но и к жене не придерёшься. Они с Азизой жили скромно, перебивались от зарплаты до зарплаты. Не то что другие, к примеру, Муниса и Наим. Живут двойной жизнью: дома одно, а на людях совсем другое.

...После того, как Даврон повздорил с Мунисой, она долго обижалась на него, и, может быть, даже назло Даврону вышла замуж за Наима. «Смотри, как из твоего друга, этой размазни, я сделаю человека», — казалось, так и хотела сказать она Даврону при встречах, но не решалась, а только напоминала, что Даврон очень понравился ее отцу: «Единственный серьёзный молодой человек, с хорошим будущим», — посмеивалась Муниса, повторяя слова старика.

Однажды он случайно встретил ее в театре, это было ещё до замужества. Она завела долгий разговор о пьесах Карло Гоцци, о Данте, и Боккаччо, стараясь блеснуть своими знаниями. К ним, улыбаясь, подошёл доктор философии Саломзода.

— Мунисахон! Наша единственная! А я думаю — почему здесь так светло? Оказывается, вы здесь... — галантно приветствовал он раскрасневшуюся Мунису.

Даврону стало не по себе от этой грубой лести учёного, он отошёл в сторону. Муниса улыбалась.

—Мунисахон! Неужели у вас естественный румянец? И брови от рождения такие черные? Просто не верится,— говорил Саломзода, разглядывая Мунису. Она громко рассмеялась, кокетливо отступила на несколько шагов, потом снова подошла к Саломзода вплотную и начала тереть платочком и щеки и брови.

—Вот, смотрите...

Даврона передёрнуло, и он ушёл. Вскоре он узнал, что Муниса успешно поступила в аспирантуру и занялась наукой.

Как друг он не раз отговаривал Наима от женитьбы на этой ветренице.

Теперь он знал, что не без помощи жены Наим стал главным инженером и надеется на дальнейшее повышение.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Даврон вышел из кабинета начальника ГАИ и долго стоял во дворе, собираясь с мыслями. Он был зол, потому что полдня простоял в очереди, чтобы услышать лаконичное: «Отдайте заявление в отдел». Подумать только, он отпросился с работы, бросил больных, зря потерял столько времени! Правда, у этого человека всегда полно народу, может, поэтому он так и разговаривал.

А что если рыжий подкупил и его? Ведь говорили, что в министерстве у него есть покровитель. Теперь ничего не оставалось, как отдать заявление в отдел.

Когда Даврон спускался по лестнице, его кто-то окликнул:

—Здравствуйте, доктор! Какими судьбами?

Приветливо улыбаясь, к нему шёл сотрудник ГАИ.

—А, вы здесь? — улыбнулся Даврон, стараясь вспомнить его фамилию.— Как здоровье? Все в порядке?

— Спасибо, доктор. Каждый день молюсь за вас. Надеюсь, и у вас все в порядке. Что вы здесь делаете?

—Да разве человек, у которого все в порядке, захочет иметь с вами дело?— рассмеялся Даврон.

— Что случилось? А ну, расскажите-ка.

—Лучше не спрашивайте, это очень длинная история.

—Идёмте ко мне, выпьем чаю, расскажете, что произошло. Может, и смогу чем помочь.

На двери кабинета Даврон увидел знакомую фамилию и успокоился. У Рахмонова в прошлом году лопнул аппендикс. И все бы ничего. Но попал он в больницу настолько пьяным, что местная анестезия не действовала на него. Нельзя было давать и общий наркоз. Во время операции Рахмонов не кричал, только ругался. На следующий день профессор сказал ему:

—Рахмонов, ваше счастье, что вчера дежурил Даврон...

Они вошли в кабинет. Даврон незаметно разглядывал Рахмонова. Красивый, статный мужчина среднего роста, с ясным приветливым взглядом. Невозможно было представить, чтобы этот человек мог нагрубить или проявить нечуткость. Рахмонов внимательно выслушал Даврона, придвинул к нему чайник и пиалку:

—Вы пока пейте чай, а я пойду узнаю, что и как.

Даврон терпеливо ждал. Как острый нож ему было жаловаться, но он решил довести дело до конца. Даже не потому, что его на шесть месяцев лишили прав, и теперь ему предстояло заново сдавать экзамены, главное — он хотел добиться справедливости. Он и так упустил много времени, хотя сразу понял, что Обидов хитрит.

Даврон снова подсадовал в душе на свою доверчивость.

Через несколько минут Рахмонов вернулся расстроенный.

— Плохи ваши дела,— он с сожалением покачал головой.— Идемте... В последнее время часто поступают такие жалобы. Не понимаю, отчего это...

Они подошли к двери кабинета Тураханова, одного из заместителей начальника ГАИ. Рахмонов, оставив Даврона в коридоре, вошёл в кабинет, через минуту пригласил и его. Майор Тураханов, полный мужчина средних лет, поднялся навстречу, вежливо поздоровался с Давроном.

— В документах ужасная путаница,— продолжал разговор Рахмонов,— видимо, сначала хотели зафиксировать как дорожное происшествие, а потом передумали.— Он чуть помедлил и добавил: — И вообще, я удивляюсь, почему в последнее время сотрудники ГАИ стараются помочь выкрутиться разным темным личностям...

— Ладно, вы пока свободны, идите к себе,— перебил его Тураханов.

По селектору он приказал кому-то принести документы Даврона.

Рахмонов ушёл.

— Не беспокойтесь, доктор: Мы не допустим, чтобы с вами обошлись несправедливо, - обнадежил Тураханов Даврона.— Виновный из работников торговли, говорите? Эти люди всегда стараются выйти из воды сухими...

В кабинете появился молодой лейтенант с папкой в руках.

Тураханов листал документы, качал головой, удивленно поднимал брови, укоризненно посматривал на лейтенанта, иногда возмущённо восклицал:

— Что это такое? А? Да знаете, что вы наделали? Все это липа. Он прав в своих требованиях.

— Гуфрон Тураханович, документы поздно выслали из района... Мы были вынуждены... — Оправдывался озадаченный лейтенант.

Потом Тураханов потребовал принести заявление, поданное Давроном час назад в отдел.

— Если ваш сын на самом деле пострадал, почему вы не оставили его в той больнице? — вдруг спросил лейтенант у Даврона.

— Мальчик там пролежал одну ночь. Что можно выяснить за такой срок? — вместо Даврона ответил майор. — Да ещё в сельской больнице!

— Не нужно было ехать в Душанбе, — настаивал лейтенант.

— Интересно вы рассуждаете! Поставьте на минуту себя на его место. Дети всем дороги! — Тураханов укоризненно взглянул на своего подчинённого.

Слушая этот разговор, Даврон с каждой минутой убеждался в том, что без Рахмонова и Тураханов а трудно было бы ему доказать свою невиновность.

— С какой стороны ударили вашу машину? — неожиданно спросил Тураханов, все ещё перелистывая документы. — С какой стороны она помята?

— Спереди... Передняя часть помята, — Даврон приподнялся со стула.

— А ведь здесь показано, что вас ударили сбоку, с правой стороны. Вы этот документ подписывали? — показывая схему, спросил Тураханов у Даврона. — Это ваша подпись?

Даврон внимательно рассмотрел схему и сказал:

— Да, подпись моя. Но когда я подписывал, схема была правильной. А сейчас мою машину поставили чуть ли не поперёк дороги. Вот эта цифра — от левого колеса моей машины до обочины не 2,36 метра, а 2,86. И ширина дороги не 6,5 метра, а 6 метров. Все переделали.

— Не-ет! — покачав головой, возразил лейтенант, — так невозможно переделать. — Не говорите, пожалуйста, чепухи.

— Да вот, стёрто же здесь. Это видно даже невооружённым глазом! — повысил голос Тураханов.

Послышался вызов по селектору и оба, майор и лейтенант, насторожились. По выражению их лиц Даврон понял, что его делом интересуется начальник ГАИ.

— Подождите в коридоре, — сказал майор и поднялся.

Тураханов и лейтенант, взяв с собой документы, ушли в кабинет начальника. Почти полчаса Даврон дождался в коридоре, в душе возмущаясь бесцеремонностью молодого лейтенанта; подумать только: и слушать не желает доводов майора! Может, лейтенант любимчик начальства? Ладно, поживём — увидим. Кто мог бы подумать, что невинному так трудно доказать свою правоту? А вообще, они тут ни при чем. Вынесли решение соответственно документам, полученным из района. А вникать кому охота? Или рыжий подлец и здесь успел замутить воду? Думают, что все можно купить за деньги! И часто не ошибаются. Ведь вот Кубодов — глазом не моргнув, переделал всю схему, недаром так юлил с самого начала. Защитников у, подонков хватает...

В коридоре появились Тураханов и лейтенант. Они молча прошли мимо Даврона. Он двинулся было за ними, но Тураханов остановил его выразительным взглядом. Минут через пятнадцать Даврона позвали в кабинет и снова началось уточнение подробностей аварии. Теперь к ответам Даврона то и дело придирался не только лейтенант, но и Тураханов. От такой резкой перемены Даврон даже растерялся. Казалось, что земля под ним вот-вот провалится, похоронив все его надежды. Округлившимися глазами он смотрел на майора. Да этот хамелеон отвратительнее рыжего негодяя Кубодова!

— Почему вы так быстро уехали? Нужно было все тогда же решать на месте,— продолжал допытываться Тураханов не без злости.

— Когда там, на месте, стали выгораживать виновника, я, на всякий случай, взял у него расписку,— ошарашенный Даврон вытащил расписку Обидова и положил ее на стол.

Тураханов несколько помедлил с ответом, потом произнес все тем же недовольным тоном:

— Для нас это просто бумажка, а не документ.

— Но в таком случае вы хоть объясните мне, в чем дело,— горько усмехнулся Даврон.

Вот она, круговая порука, подумал он. Значит этот рыжий подлец, его спаситель Кубодов, лейтенант и Тураханов — все заодно! А за ними бог знает кто ещё! Только у меня единственная поддержка закон. Ну что ж, посмотрим, кто одолеет!

Даврон с презрением взглянул на майора:

— На моё заявление вы обязаны дать ответ, вот и отвечайте. Я не успокоюсь, пока не добьюсь правды. Видимо, концы этой темной проделки надо искать здесь...

— Ваше заявление мы отправим в область, они проверят и вам ответят,— безразлично сказал Тураханов.

Даврон быстро вышел из здания ГАИ. Лицо его пылало от гнева. Особенно его потрясло лицемерие майора. Что сказал ему начальник? Ведь по документам все ясно! Сам вначале говорил, что схему подправляли. Неужели начальник ГАИ покрывает рыжего? Уму непостижимо... Надо было заглянуть к Рахмонову и все рассказать. Он, наверное, тоже удивился бы. Но ничего, ничего, рано или поздно правда восторжествует.

Он шёл так быстро, что задевал прохожих, забывал извиняться, а потом останавливался и смущённо смотрел им вслед. Во рту у него появился горьковатый привкус, бешено забилося сердце, беспорядочные мысли завертелись в

голове. Он хотел освободиться от них, что-то шептал, размахивал руками, но успокоиться—никак не мог.

— Не надо нервничать,— сказал он вслух. Потом вспомнил когда-то прочитанные строки в средневековом медицинском трактате:

Горький во рту коль ощутит кто привкус,
Пусть же он знает — сафра⁵ в этом причина,—
Хладным и кислым он должен питаться —
Недугу это не даст разрастаться.

Счастливы редко вспоминают о правосудии и законе. Вспоминать о них — удел неудачников. Даврон всегда спокойно и трезво оценивал события, вдумчиво взвешивал и не унывал при неприятностях. Он был увлечён своей работой, и это помогало ему на многое не обращать внимания. Однако с такой вопиющей несправедливостью он столкнулся впервые.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Испанд, хотя и выписался из больницы, почти каждый день ходил в поликлинику на процедуры. После травмы он стал хуже видеть, и у него иногда болели глаза, Даврон знал, что все это со временем пройдёт, но Азиза страшно переживала.

Глядя на изуродованный шрамом подбородок сына, она без конца проклинала рыжего. Исполнились все ее проклятья, этого негодяя уже не было бы на свете.

Правду говорят, пришла беда — отвори ворота. Мало было тех несчастий, что свалились на эту семью, так

---

⁵ Сафра — желчь.

Даврона скрутила боль в животе. С каждым днём она беспокоила все больше и больше, лишая его сил.

Сначала он принимал лекарства, но недуг не отпускал, и он встревожился. Боль, если и утихала, то ненадолго.

Пришлось обратиться к терапевтам. Даврона долго обследовали, но ничего серьёзного не нашли, решили, что это от переутомления и нервов.

Однажды ночью ему стало так плохо, что Азиза вызвала «скорую помощь», и его увезли в больницу. Сколько Даврон ни просил, чтобы его отвезли в клинику, где он работал, врач не соглашался:

— Не имею права. Это другой участок,— твердил он.

В больнице два молодых хирурга, осмотрев его, определили, что болезнь хирургического вмешательства не требует. И Даврон сразу же с ними согласился.

На следующий день Даврона перевели в отделение внутренних болезней, но метод лечения терапевтов ему не понравился. Даврону казалось, что они работают вслепую и полностью полагаются на лекарства. Если больной сразу не выздоравливает, ему начинают давать подряд все лекарства более или менее относящиеся к этому недугу. Наблюдая за десятками врачей, которые с утра до ночи ходили по больнице, он думал, что вместо них надо оставить одного-двух толковых, и от этого будет только польза. До каких же пор будут определять качество по количеству?

Разные обследования и лекарства не помогали Даврону, и он, с помощью друзей, перевёлся в свою больницу, где вскоре выяснили причину его болей.

Профессор Нематзода, просматривая рентгеновские снимки в кругу учеников, укоризненно покачал головой:

— Что это такое?

— Думали колит... Несколько раз делали рентген. Все было чисто.

— Может, уже и не стоит резать? — спросил Даврон, заглядывая в глаза профессору.

— Все выяснится после операции. Она обязательна, — профессор положил пальцы на живот Даврона, туда, где предполагалась язва.

«Недаром говорят, что его пальцы — рентген», — с невольным восхищением подумал Даврон.

Азиза не находила себе места. Ежедневно, утром и вечером, она поджидала мужа во дворе больницы, бегала советоваться к друзьям и сослуживцам, побывала у профессора.

— Как говорят старики, ложись на аллаха, дочка, — сказал Нематзода сочувственно. — Болезнь не из лёгких и небезопасна, но надо надеяться. Все выяснится после операции.

— Не ходи сюда так часто. Ты устаёшь, — упрасивал ее Даврон. — Самое главное, я спокоен и ничего не боюсь, а это помогает перебороть всякую болезнь. Не переживай ты так...

Но успокоить Азизу было невозможно.

— Мне скучно без вас дома, — говорила она, улыбаясь через силу. — Или вы не хотите меня видеть?

— На работе устаёшь, дома дети ждут. Пожалей себя. А то ребёнок родится больным и капризным.

— Ничего, мне скоро в декретный отпуск.

— Уже?

Азиза кивнула. Даврон виновато смотрел на неё. Как обидно, что в такое время он стал обузой для жены. Азиза, видимо, угадав его мысли, погладила его руку.

Она скрыла от Даврона, что пришёл ответ из ГАИ. В нем сообщалось, что после повторной проверки было установлено: авария произошла по вине обоих водителей на середине дороги. Факт госпитализации Испанда не подтвердился.

Такой ответ только усугубил бы болезнь Даврона. Что мог сделать он, лёжа в больнице?

В эти трудные дни Азиза очень изменилась. Прежде робкая, слабая, теперь она походила на разъярённую тигрицу. Если бы за правдой и справедливостью ей пришлось лететь на Луну или Марс, она бы сделала это.

—Какая подлая ложь!— возмущалась она, расхаживая по квартире, опустевшей без мужа — Слава богу, у нас Советская власть! Пока не поставлю этих подонков на место, не успокоюсь! Вы попоёте у меня!

Несколько дней она обдумывала, к кому ей пойти со своей жалобой, кто внимательно выслушает и поможет ей. Что скрывать, не каждый ведь отзовётся. Некоторым приспособленцам честные люди хуже воров и мошенников. Опасаясь за свою карьеру и должность, они любым способом стараются отвязаться от поборников справедливости и даже очернить их.

—Неужели правда только на бумаге? Нет, не верю,— твердила Азиза.— Муж не виноват! Я докажу это! Рыжий и его друзья — жулики. Советские законы на нашей стороне и защитят нас...

Она не могла оставить безнаказанным сфабрикование фальшивки, но больше всего Азизу удручала болезнь мужа.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Сухая пыльная осень отступила и вступила в права зима с дождями и снегом. Всюду говорили о плане сдачи хлопка, о возвращении студентов с полевых работ. Завершился ещё один хлопотливый год.

Азизе жилось трудно: вечером, уложив детей, она допоздна просиживала за книгой, чтобы забыться. Потом принимала снотворное. Вставала рано, варила бульон Даврону, и снова все мысли ее были в больнице. Вместе с

хорошим настроением у неё пропал и аппетит. Она с трудом заставляла себя проглотить бутерброд. И не с кем было Азизе поделиться горем, все родные были далеко. Они даже не знали о болезни Даврона. Писать Азиза боялась: мать разволнуется и сляжет. Своё подавленное настроение она старалась скрыть и от Даврона. К нему приходила радостной, оживлённой, улыбчивой. Он понимал, чего стоило это жене. Даврон сам написал своим родственникам обо всем. Не прошло и недели, как в город приехал его отец, а за ним брат, потом братья Азизы, за ними и другая родня. Мужчины поселились в гостинице, и каждый хоть чем-нибудь старался помочь Азизе. Один выстаивал очередь за мясом, другой приносил кур и рис для плова, третий — лимоны и яблоки. Но частые посещения родных утомляли Азизу.

Она твёрдо решила после выздоровления Даврона переехать к родственникам. Маленькая Мехри раньше ни за что не хотела ехать к бабушке и деду без родителей, а сейчас умоляла отправить ее к ним.

Хотя дом был полон родных, Азиза скучала, страдала за мужа и таяла, как свеча. Все родственники, знакомые, сослуживцы видели ее мучения, утешали, советовали, наставляли ее. Некоторые из жалости и сочувствия, желая хотя бы немного охладить ее любовь к мужу, рассказывали об эгоизме мужчин, какие они бывают бессердечные, когда болеют жены, даже бросают их.

Но Азиза была непреклонна:

— Пусть будет любим, но только здоровым, — твердила она, — пусть вся его боль перейдёт ко мне, только был бы жив... и здоров. Не сетуйте, что ваш муж выпивает или мало обращает на вас внимания, лишь бы был с вами и здоров, — наставляла она подруг.

Однажды по дороге в больницу Азиза встретила учительницу Испанда.

— Хорошо, что я вас увидела,— сказала та.— Сколько раз говорила вашему сыну, чтобы привёл маму в школу. Не знаю, что случилось с мальчиком. За два месяца он так изменился. Раньше всегда готовил домашние задания, на уроках слушал меня, мог ответить, на любой вопрос. А теперь словно подменили его. Говорит: «Не знаю. Не учил»,— и садится на место. Сначала я не очень волновалась, думала — мальчику нездоровится. Потом стала присматриваться — он как-то потух. Не играет, не смеётся, на уроках ничего не слушает...

— Эх, муаллимаджон,— вздохнула Азиза,— что с него спрашивать? Отец у него болен, мальчик очень переживает. Оставшись один, часто плачет.

Материнскими глазами Азиза видела то, чего не замечали другие. Она понимала, что горе может придавить и беззаботного ребёнка. Мальчик сильно изменился, да и она уже не была прежней. Правильно говорят, что трудности меняют человека. Он начинает смотреть на жизнь по-новому, не замечает мелочей, познает истинную цену здоровья и покоя, дорожит добрыми отношениями друзей и родных, работой.

— Словно у меня открылись глаза,— говорила Азиза.— Даврон часто вспоминал строки Хафиза: «Ищи радостные дни, ищи, не в каждой раковине есть жемчужина». А я не понимала их мудрости и не старалась их понять. Впервые за пятнадцать лет жизни с Давроном поняла... Все-таки, какое же неблагоприятное существо человек, не ценит то, что имеет! Три месяца я не знаю покоя, жизнь стала пустой, как раковина без жемчуга. Три месяца стрелки часов, которые он подарил мне, отсчитывают ненужное мне без него время. Даврон не раз повторял чьи-то мудрые слова: три вещи не имеют границ — огонь, вражда, болезнь. И ещё: «Я доволен не от того, что счастлив, а счастлив от того, что доволен». Я этого не понимала. Он смотрел на меня и грустно улыбался.

Да, Даврон умел радоваться своей работе, семье и вообще жизни! Он мог как ребёнок смеяться до упаду над простой историей или анекдотом. Однажды с Испандом они хохотали до полуночи. А теперь сын перестал даже улыбаться. Прав Хафиз: «Ищи радостные дни, ищи...»

В последнее время Азизе стало трудно ходить на работу. В переполненные автобусы еле втиснешься, а выходить ещё хуже.

Однажды вечером она целый час простояла на остановке— три автобуса проехали мимо, не остановившись. Заплакав от бессилия, Азиза пошла домой пешком.

Первый день декретного отпуска Азизы совпал с днём операции Даврона. Рано утром, двумя автобусами, взволнованная, она добралась до больницы. Издали увидела она, как кого-то повезли в операционную. Больной, приподняв голову, с надеждой всматривался в полутёмный вестибюль. Даврон не увидел жены, а она не узнала его.

Азиза четыре часа, пока длилась операция, ходила по вестибюлю. Врачи и медсестры утешали ее, уговаривали пойти отдохнуть, но она ничего не хотела слышать.

— Все будет хорошо. Не волнуйтесь. Радуйтесь, что у него язва, а не что-нибудь похуже... Степанов, и Ам риддин — опытные хирурги. Если мне придётся оперироваться, то доверюсь только им,— выйдя из операционной, подбодрил ее профессор Нематзода.

В операционную вводили новых больных, прооперированных развозили по палатам. Врачи и медсестры сновали туда и обратно, но Степанов и Амридин не появлялись.

— У вас много операционных?— спросила Азиза у проходившей мимо сестры.

— В большом зале три стола и один в соседней комнате.

— Утром опоздала, не повидала мужа.

— Степанов очень торопил. Не успел принять дежурство и надеть халат, как опросил: «Где больной, он готов?» Другим даже перед операцией аппендицита делают успокаивающий укол, а ваш муж отказался. Сказал: «Не надо, я и так спокоен».

Около полудня вышел из операционной Амридин и сразу же подошёл к Азизе.

— Ну как? — она с тревогой смотрела на врача, стараясь понять по выражению его лица состояние мужа.

— Успокойтесь, янга⁶, все хорошо, — сказал он.

— Какая у него язва? А результаты...

— Незлокачественная. Отправили на гистологическое исследование, ждём результатов. Я уверен, что метастаз нет и не будет. Это и так видно, но положена отправлять в лабораторию. Через десять-пятнадцать минут дадут ответ. Не волнуйтесь, идите домой, обрадуйте всех хорошей вестью.

В это время показался Степанов и, улыбаясь, направился к ним.

— Вы ведь с утра здесь стоите! — он укоризненно покачал головой. — Даврон счастливый человек... Оба вы счастливики. Честное слово...

— Доктор, как он?

— Спит. Ему-то что? Амридин, наверное, сказал, что у него все в порядке. Все чисто — печень, поджелудочная, почки, двенадцатиперстная кишка... Идите, отдохайте.

— Когда повезут в палату?

— Попозже. Его отвезут в палату интенсивной терапии. Вас туда не пропустят, да он все равно спит. К вечеру, наверное, проснётся.

Поговорив ещё немного, врачи ушли. Вестибюль больницы опустел — родственники больных разошлись по

---

⁶ Янга — обращение к жене старшего брата, родственника, старшего друга.

своим делам. Но Азиза решила подождать, пока муж придёт в себя. За время его болезни Азиза поняла, как тесно переплелись их жизни, и она укоряла себя за то, что раньше так мало ценила мужа.

Невольно ей вспомнились слова Даврона: «Работу хирургов и медсестёр в больнице не сравнишь с работой врачей и сестёр поликлиники, а вот заработок у них одинаковый, и это вредит делу. Опытные медсестры часто уходят из больницы, устраиваются в какую-нибудь поликлинику, на лёгкую, работу...»

Даврон прав: трудная у них работа! Медики, учителя и воспитатели должны обязательно любить свою профессию и любить людей. И заработная плата у них должна быть выше. Ведь работать с деревом или металлом, строить дома или делать станки легче, чем работать с людьми...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Через четыре дня Даврона перевели в общую палату. Он уже мог вставать и, держась двумя руками за живот, потихоньку передвигаться, но боли не прекращались, и мучила тошнота. Он настойчиво обращал на это внимание лечащих врачей, но они, осматривая его, говорили: «Потерпите ещё пару дней». Однако самочувствие не улучшалось... Кроме того, Даврон ощущал горечь во рту. Коллеги выслушивали его жалобы, как жалобы обычного больного, утвердительно кивали и ничего не предпринимали. Это очень обижало Даврона, и он говорил со злой усмешкой:

—Послушайте, сделайте мне промывание. Я в своём уме, ведь вы мне кишки, а не разум отрезали...

Друзья, виновато улыбаясь, отвечали:

— Нагрузка большая... Швы ещё не срослись.

Но Даврон понимал, что врачей что-то тревожит. Не случайно они так часто шупали его живот.

— Что вы скрываете от меня? — сердито обратился он к Амриддину. — Я больной, но я и врач!.. О, аллах, неужели я до того глуп, что ничего не понимаю? — усмехнулся он. — Мне лучше, чем кому-либо, известно моё состояние. Думаете, боюсь смерти? Не-ет. Допустим, схватит она меня цепкой пятерней, но я, как академик Павлов, смогу спокойно извещать о каждом ее движении.

Азиза ничего не подозревала, была уверена, что муж потихоньку поправляется. Однажды вечером она принесла ему куриный бульон и стала настаивать, чтобы он съел его немедленно, пока не остыл. Даврон подчинился, начал есть и вдруг его вырвало желчью. Азиза побежала за сестрой, а та доложила врачам. Два дежурных хирурга Бободуст и Петров немедленно пришли в палату.

— Промокла, — Даврон показал повязку. — Не только бинты, но и рубашка промокла.

Даврона немедленно повезли в перевязочную.

Четыре года назад Даврон дежурил ночью с Бободустом, и тот хвастался, что в двадцать восемь лет закончил аспирантуру и работает в такой знаменитой клинике... Позже Даврон обратил внимание на то, что Бободуст перед профессорским обходом, перед тем как поставить диагноз больному, советуется с Амриддином или Степановым, или с кем-либо из опытных хирургов. Как только Нематзода подходил к больному, Бободуст повторял диагноз, который подсказал товарищ. А профессор, не зная об этом, считал его одним из перспективных хирургов.

— Вас вырвало, поэтому и промокла одежда, — тупо твердил Бободуст.

— Вы меня считаете ненормальным, что ли? Меня вырвало в тазик. Я прекрасно это помню!— возражал Даврон.

— Правильно! И вы намочили одежду. Когда у человека рвота, он ничего не замечает,— поддакивал товарищу Петров.

— О боже,— Даврон не стал с ними больше спорить, после перевязки тут же вернулся в палату.

— Ничего, не волнуйся,— утешал он Азизу, глядя в ее полные слез глаза.— Мне лучше, тошнота прошла. Вот теперь с удовольствием выпью твой бульон,— сказал он и весело улыбнулся. Действительно, ему стало лучше.

Он пил бульон и думал, что никак нельзя назначать на дежурство одновременно этих двух неучей. Что они будут делать, если кому-нибудь понадобится срочная операция?

Вдруг он почувствовал, что повязка снова промокла.

Поднял рубашку и взглянул на Азизу. Она побелела от ужаса. Даврон попросил ее позвать медсестру. Он нервничал, потому что от жены теперь трудно будет скрыть правду.

— Опять промокла. Позовите, пожалуйста, дежурного врача,— попросил он медсестру.

Потом стал успокаивать Азизу:

— Не бойся, так и должно быть, Просто удивительно, что до сих пор не было гноя.

Осмотрев Даврона, Бободуст растерялся, позвал Петрова. Они быстро отвезли его в операционную. Петров стал снимать повязку, Бободуст тем временем звонил домой к Степанову, чтобы посоветоваться.

«Эти тоже из породы Мунисы...» Вспомнив Мунису, Даврон невольно улыбнулся. Слухи об ее новой научной работе облетели весь город. Она переписала из какой-то книги статью знаменитого учёного и отдала, в журнал как свою, а там, не проверив, напечатали. А ведь все началось с

тех стихов. Все-таки обидно за неё. Могла бы стать хорошей женой порядочного человека. А теперь — ни то, ни се...

Азизе Муниса не понравилась с самого начала. Как-то Муниса и Наим пришли к ним в гости. Азиза занималась на кухне хозяйством и почти не общалась с гостями. Потом на упрёк Даврона ответила: «Чтобы больше в наш дом они не приходили. Подумают ещё, что она моя подруга!» Потом и Даврон понял, что Наим для своей карьеры использует красоту жены, и прекратил с ними знакомство.

На следующий день Даврону опять стало плохо, его рвало. Дежурный хирург Анатолий, друг Даврона, закончив очередную операцию, прибежал в палату.

— Опять рвало?.. Видимо, придётся очистить желудок.

— Не надо... Сам очистился. Столько дней просил не послушались,— сказал Даврон слабым голосом.— И ты тоже...

— Боялся. Кто знает...

Утешительные слова врача почти не доходили до Даврона, обессилев, он заснул.

Утром у него поднялась температура — 38,3, потом выше.

Как врач, Даврон знал причину своей тошноты и не беспокоился, а вот температура встревожила. Недаром говорят, что врачи болеют тяжелее, чем несведущие в медицине люди. Врач замечает малейшие признаки выздоровления и кризиса, знает не только болезнь, но и ее последствия, и ещё многое другое.

Признаков простуды у Даврона не было.

Степанов и Амриддин решили открыть шов и посмотреть, нет ли внутреннего нагноения. Даврон возражал, просил подождать ещё дня два-три.

— Рискованно откладывать...

— Вообще я не против. Но мне кажется, причина температуры в другом.

— Когда это больной ставил себе правильный диагноз? — усмехнулся Степанов.

— А в чем причина? — спросил Амриддин. — Как ты думаешь?

— Я не уверен, но думаю, причина не в животе. Давайте подождём пару дней. Нельзя пренебрегать логикой и интуицией. Без этих двух факторов даже самый правдивый документ полностью не соответствует действительности.

В последующие два дня почти все хирурги клиники осмотрели Даврона. Он, лёжа в отдельной палате, много размышлял о своей болезни и потихоньку ощупывал живот. Интуиция ещё никогда не подводила его. Можно досконально изучить свойства и качества любого двигателя, любого механизма, но человеческий организм, его особенности полностью познать невозможно. Нет более сложного существа, чем человек. Никакие опыты на животных не дадут полной картины; разница между организмом человека и той же собаки велика... Часто его тревожили мысли о плохом оснащении больницы. В реанимационном нет кислородных камер, а без них нельзя оперировать тяжёлых больных. Такие камеры есть в некоторых больших городах, а у нас...

В палату заглянул больной и сообщил, что пришла Азиза с дочкой. Даврон встал с кровати и пошёл им навстречу. Он очень соскучился по девочкам, не видел их почти месяц.

Азиза привела с собой худенькую и очень подвижную Махруй. Она бросилась к отцу, повисла у него на шее.

— Осторожно, ты тяжёлая, папе нельзя, — говорила Азиза.

Даврон, нежно прижимая девочку, улыбался.

— Помнишь, когда ей было два годика, я по утрам выходил заниматься зарядкой и заодно выносил ведро с мусором. Как только надену, бывало, спортивный костюм, она сразу тащила ведро и что-то лопотала, мол— «возьми». Как-то утром она в чем-то провинилась, и ты ее за это наказала. Она плакала, но все же притащила ведро, чтобы я не забыл.

— Кто, я, папочка, я да?

— Ты, дочка, ты.

— Помните, что она заказывала каждый раз, когда мы уходили на базар? — спросила Азиза.

— Платечка, йайа и воды!— улыбнулся Даврон.

— Воды?— удивилась Махруй.

— Да, да, воды, чистой воды. Мама давала тебе мало воды, и ты вечно хотела пить.

Махруй снова потянулась к отцу. Взяв в ладони ее маленькие ручки, он на мгновение умолк: прикосновение нежных ладошек успокаивало его и давало надежду на выздоровление, придавало силы.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Декабрь был тёплый, всего два раза шёл дождь. Только в середине января наступили холода, и зима нехотя вступила в свои права.

Пошёл хлопьями снег и покрыл все белой пеленой. Черные с фиолетовым отливом вороны перелетали с ветки на ветку, дрались из-за куска хлеба.

Даврон после утреннего осмотра зашёл в ординаторскую и долго разговаривал со своими сослуживцами, а потом стал читать журнал «Хирургия»

Прежде Даврон понятия не имел о больничной скуке. Жалобы пациентов принимал за капризы. Как хорошо он понял их теперь, лёжа в больничной палате!

Время тянулось медленно. Чтобы как-то отвлечься, он достал из-под подушки книгу Айтматова, открыл на заложённой странице и стал читать.

Подшло время прихода Азизы. Даврон вышел в вестибюль и встал у окна. По двору ходили женщины и девушки с пакетами и сумками, высматривая своих родных.

Эта картина почему-то напоминала ему тюрьму. Даврон всегда с жалостью и состраданием смотрел на женщин, терпеливо стоящих, у дверей тюрьмы — иногда для консультации вызывали его и туда. «Мужчины! — хотелось ему крикнуть во весь голос. — Не обижайте ваших матерей, жён и сестёр, не ломайте им жизнь в пылу гнева, из ревности или в винном тумане! Их хрупкие плечи поддержат вас в трудную минуту!»

Вдруг он заметил Хайбара. Верный пёс вот уже год ежедневно приходит под окна палаты и лает, хотя хозяин давно скончался. Собака... А вот дети порой месяцами не навещают своих больных родителей.

Азиза шла тяжело, опустив голову, то и дело перехватывая сетку то одной, то другой рукой. Пора бы ей сидеть дома и отдыхать, не за горами роды. Но она и слышать об этом не желала и говорила, что только тогда спокойна, когда повидает мужа.

Отдышавшись, Азиза спросила Даврона о самочувствии, рассказала о детях и, чуть помедлив, проговорила:

— К вам приезжали из ГАИ. Вчера на машине... Кажется, один из начальников...

— Да, теперь Рахромова назначили заместителем начальника ГАИ. Как-то приходил, извинялся и принёс мне мои документы. Препренее решение комиссии отменили. Все проверили и обвинили Обидова, он признал свою вину.—

Даврон вытащил из кармана документы и отдал жене.— Рахмонов сказал, что следствие контролирует сам министр. Никак не ожидал... Начальника ГАИ сняли за махинации. Видишь?! Говорят же, кривая стрела не дойдёт до цели... Есть правда на свете. Не зря наши отцы проливали за неё кровь, отдавали жизнь...

Азиза, лукаво улыбаясь, сказала:

— Хочу прощения попросить... Простите? А?

— А что такое? — удивился Даврон.

— Сначала скажите: «Прощаю», только потом скажу.

— Зачем, Азиза! Ты ни в чем не виновата, да и так я все прощал тебе.

— Зафар с Рахмоновым вот уже два месяца хлопочут по нашему делу. Они заново осмотрели машину, взяли у меня показания... Слава богу, что их старания не пропали даром и правда восторжествовала.

— Начальник ГАИ, оказывается, брал взятки у преступников, которых он избавлял от наказания, чтобы «достойно» справить свадьбу дочери,— со злой усмешкой сказал Даврон.

— А рыжий опять приходил,— продолжала Азиза.— Сулил кучу денег и машину обещал отремонтировать, но я его выгнала. Мерзавец...

— Умница! Правильно сделала. Обидов был тогда уверен, что его выручат. Не мог я со всеми ними бороться.— Даврон помолчал немного.— Если бы каждое дорожное происшествие вовремя и объективно расследовали, и аварий было бы меньше, и потенциальных преступников.

— Как вы думаете, накажут рыжего?

— Не знаю.

И все же после прихода Рахмонова на душе стало спокойнее: правда победила. Теперь он знал: нельзя

честному человеку опускать руки, если даже он и потерпел неудачу.

— Профессор вас смотрел? — спросила Азиза.

— Да, сказал, что все в порядке, и никакого нагноения нет.

— Ну, слава богу. Но тогда отчего температура?

— При перевязке Бободуст занёс инфекцию...

— Когда я слышу о подобных случаях, то проклинаю тех мерзавцев, которые за взятки поступают в институты и оканчивают их, ничего не зная. Чтоб их дома сгорели! — разозлилась Азиза.

— Да, такую простую процедуру должен уметь делать каждый фельдшер, не говоря уже о врачах. Ну ладно, хорошо, что обошлось.

— Для вас обошлось, а как другие? Как будет дальше? Приходится думать и о детях. Если будет продолжаться такое безобразие, как им жить?!

— Рано или поздно все переменится, я уверен.

Даврон замолчал и на мгновение представил, сколько на своём пути встретил дураков, горлопанов, обманщиков. Не сосчитать. Они шумят, привлекают к себе внимание, мешают работать другим, но в конце концов вынуждены уйти, уступить место трудягам. Везде есть честные люди, они-то и противостоят проходимцам. Но как трудно выживать их, и выдерживают эту борьбу только очень смелые и стойкие люди, и то не всегда. Вот он сам, например, не смог ведь довести до конца борьбу за справедливость, вышел из игры. Хорошо, что жена, всего-навсего слабая женщина, да друзья продолжили... Хотя Азиза прекрасно знала, что все эти волнения и переживания могут сказаться на здоровье будущего ребёнка.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На следующий день Азиза, как обычно, не пришла в больницу, и Даврон стал беспокоиться. Он часто подходил к окну, смотрел на улицу, пытался чем-то отвлечься, но не мог и нервно шагал по коридору.

В половине второго вместо Азизы в конце коридора показалась их соседка Сабохат, и у Даврона бешено заколотилось сердце. Он бросился навстречу женщине и стал ее расспрашивать. Сабохат сказала, что Азизу увезли в роддом, и она уже родила.

— Боже, как же так? Неужели?! — повторял он, держась обеими руками за голову, и слезы катились по его щёкам.

— Состояние у Азизы нормальное. И двойняшки чувствуют себя хорошо. Она вам письмо написала, — Сабохат протянула конверт. — А почему вы не спрашиваете, кто родился? — удивилась женщина.

Даврон молчал, ещё раз перечитал письмо и грустно опустил голову. Он хорошо знал, что недоношенные малыши вряд ли будут жить, потому что в родильных домах до сих пор для них нет специальных палат и условий, нет специалистов — неонатологов. «Может, сейчас им не хватает кислорода, и они уже задыхаются... — Он на миг представил состояние новорождённых и сжал зубы, чтобы не застонать. — Невинные малютки стали моей жертвой... А я чья жертва, кто ответит за мои страдания?» — кричала и болела душа. «Витамин справедливости» нужен всем: и сытому и голодному, и честному и негодяю... Как все в мире переплелось: оперируем мозг и сердце, летаем в космос, но до сих пор не можем изжить воровство, ложь, бюрократизм, стяжательство...» — размышлял он.

— Как Азиза? Вы ее видели? — Потом, помолчав, добавил: — Дети вряд ли выживут... Утешьте ее, чтобы не очень переживала...

Соседка ушла, а Даврон подошёл к окну и долго смотрел ей вслед. Он думал об Азизе, о том, как много ей пришлось пережить, что нашла-таки в себе силы и волю и, не щадя ни себя, ни будущего ребёнка, добивалась правды. Трудно было ей, трудно, как в годы раскулачивания, репрессии... Боже, куда мы идём? Как будут жить последующие поколения, если ничего не изменится? Вот я врач, лечу людей, а бюрократизм стал хронической болезнью общества. Он, как злокачественная опухоль, растёт и даёт метастазы. Его надо вырвать с корнем, иначе он задушит жизнь. Но пока только говорим, много говорим... Надо что-то делать... А что? Что могу делать я? Как жить, как поступать дальше?...

Даврон отошёл от окна и направился к своей палате.